

Издатель:

Ruská tradice, o.s.

Директор издательства:

Игорь ЗОЛОТАРЕВ

Главный редактор:

Анна ХЛЕБИНА

Редакция:

Марина ДОБУШЕВА

(зам. главного редактора),

Виктория РУЧКИНА (корректор)

Редакционный совет:

М. ДОБУШЕВА (Русская традиция)

И. ЗОЛОТАРЕВ (Русская традиция)

А. КЕЛИН (Русская традиция)

Й. КЛАПКА

(Чешская ассоциация русистов)

А. РОЗОВ (АРОЧР)

В. РУЧКИНА (Русская традиция)

Ю. ФЕДОРОВ (Русская традиция)

Дизайн и верстка:

Татьяна КИТАЕВА

Распространение:

CZ Press, Transpress, Mediaprint

Кара Pressegrasso, на бортах

самолетов авиакомпаний РОССИЯ,

Аэросвит; FINEX corporation.

Типография: Tiskárna Libertas a.s.

Адрес редакции:

Vocelova 602/3, 120 00 Praha 2

тел.: + 420 221 419 830

e-mail: ruslo.redakce@gmail.com

www.ruslo.cz

Регистрация МК ЧР

№ E 13956; ISSN 1214-1771

За содержание рекламы редакция ответственности не несет. Рукописи не возвращаются. Мнения редакции и авторов могут не совпадать.

Издается с финансовой помощью Министерства культуры ЧР.

RUSSKOJE SLOVO

Periodikum ruské menšiny ČR

v ruštině. Časopis je vydáván

s finanční podporou Ministerstva

kultury České republiky.

На обложке:

МЕРТВАЯ ДОРОГА

Фото: Штепан ЧЕРНОУШЕК

2 Солидарность — 31
«Русская акция» в Москве

КУЛЬТУРНОЕ СОБЫТИЕ

4 **0** памяти и о надежде
К выходу книги
«Ольшаны — некрополь русской эмиграции»

6 **Славянская взаимность:**
традиции прошлого и настоящего
Вышла трехязычная версия сборника баллад
К. Я. Эрбена «Букет»

8 **Театр.doc в Праге**

12 **НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА**
Владимир Маяковский на улицах Праги

16 **ЯЗЫК И ПОЛИТИКА**
Язык и политика:
интересные сюжеты прошлого и современности. Часть 2

20 **СЛОВО О СЛОВАХ**
Греческое наследие

22 **ЮБИЛЕЙ**
Цветаева здесь
Заметки о пребывании в Чехии. Часть 3

26 **НАША ГОСТИНАЯ**
Киноклуб представляет «Мертвую дорогу»

30 **ПРАЖСКИЕ ПРОГУЛКИ**
Пражское метро

32 **ЛЕТОПИСЬ ЭМИГРАЦИИ**
О чем писала русская пресса 90 лет назад

Колонка редактора

Этот номер выходит в канун президентских выборов в России, поэтому обойти эту тему никак не получится.

Все события последних месяцев — предвыборная борьба на улицах российских городов и то, что появлялось и обсуждалось в интернете — навели на мысль, что без классики в очередной раз не обойтись. И вспомнился «Дракон» Евгения Шварца. В общем, если кто-нибудь интересуется психологической стороной противодействия российских митингов и «путингов» — очень рекомендую прочесть.

Не будем проводить параллелей между героями пьесы и конкретными действующими лицами российской политики, потому что главное не это. Каким бы кровавым ни был шварцевский дракон, проблема не в нем, а в жителях города, которые не видят в его наличии ничего дурного — притерпелись за 400 лет. Убил герой дракона — горожане год спустя завели себе нового, потому что иначе они жить не умеют. И самая тяжелая задача победителя дракона — не просто его уничтожить, но и не стать при этом его преемником.

Самое печальное, что это не просто рассуждения, а наблюдения за действительностью. Стронники «национального лидера» публикуют частную переписку одного из деятелей оппозиции и бурно обсуждают ее подробности — и оппозиционная общественность возмущена. Стоит выложить в интернет содержимое почтового ящика человека, близкого к действующей власти — та же часть общественности радостно в нем роется, по сути, проявляя те же моральные качества...

Мы можем надеяться только на то, что выборы в России не превратятся в сражение драконов, которые в пылу битвы сожгут все хорошее в стране и ее гражданах.

Главный редактор, Анна Хлебная

Солидарность — 31

Во вторник 31 января 2012 года в 18 часов на Вацлавской площади в Праге у статуи святого Вацлава состоялся очередной митинг в поддержку прав человека в России.

31-е число в российском календаре стало символом 31 статьи конституции РФ, гарантирующей право свободы собраний. Митинги в поддержку российской демократии проходят в этот день не только в России. В частности, в Праге демонстрация «Стратегия-31» впервые состоялась летом 2010 года по инициативе общества «Человек в беде». Тогда среди выступающих были представители общественных организаций и министр иностранных дел Карел Шварценберг, который высказал благодарность тем русским, которые протестовали в 1968 году против оккупации Чехословакии и призвал проявить ответную солидарность с русскими демократическими силами в данный момент.

На этот раз акцию организовали чешские студенты, которые главной своей целью сочли обращение к представителям чешского государства, а именно к министру иностранных дел Карлу Шварценбергу, премьеру Петру Нечасу и президенту Вацлаву Клаусу с тем, чтобы они не игнорировали нарушение прав и свобод человека в России, где были сфальсифицированы результаты выборов в пользу единственной правящей партии, и потребовали соблюдения Всеобщей декларации прав человека. Среди лозунгов в толпе были написанные от руки плакаты: «Stát není majetkem

politiků» (Государство не принадлежит политикам), «Politkovská, Estemirová, Baburovová» (Политковская, Эстемирова, Бабурова) и «klaus@kreml.ru».

Студентов поддержали несколько известных лиц, среди которых были общественный деятель Петрушка Шустова, бывший министр Ян Румл, журналист Либор Дворжак и другие, а также организации «Человек в беде», «Оропа о.р.с.» (некоммерческая организация, созданная осенью 2007 года для подготовки государственного, свободного и доступного для широкой публики празднования 20-й годовщины падения железного занавеса) и движение Amnesty International ČR.

«Мы хотим показать, что чехам не безразлично, что происходит сегодня в России — сказал в своем выступлении инициатор митинга студент Карлова Университета Карел Черный. — События в России существенно повлияли на всю современную историю развития в Центральной Европе, и так это остается и в настоящее время. Поэтому мы считаем очень важным отметить, что в России все еще нарушаются права человека и гражданина. Примеры этого мы увидели в ходе последних парламентских выборов, которые сопровождались арестами демонстрантов и блокированием новостных сайтов».

Петицию студентов в ходе митинга подписали около 120 человек, большая часть собравшихся, кто, невзирая на поздний вечер и необычный для Праги мороз, все же пришли поддержать граждан России.

редакция

Фото: Любовь Требушкова

«Русская акция» в Москве

Выставка «Русская акция помощи в Чехословакии: к 90-летию ее начала» в третий раз успешно была открыта, на этот раз — в Доме русского зарубежья в Москве. Первоначально выставка готовилась в рамках научно-исторической конференции, посвященной 90-летию юбилею Русской акции, которую осенью 2011 года подготовили и провели Славянская библиотека — Национальная библиотека ЧР в сотрудничестве с обществом «Русская традиция». Затем стенды и некоторые экспонаты переместились в пражский Дом национальных меньшинств, где вновь состоялось открытие, и выставку могли увидеть не только представители национальных меньшинств, но и широкая общественность, люди, интересующиеся чешско-русской историей и историей отношений между нашими странами. С 22 февраля по 15 марта выставка открыта для показа москвичам в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына на ул. Нижней Радищевской.

В подготовке и официальном открытии приняли участие руководство и научные сотрудники Дома русского зарубежья, посол Чешской Республики в РФ Петр Коларж и сотрудники посольства, из Чехии прибыли в составе делегации директор Славянской библиотеки Лукаш Бабка, председатель организации «Русская традиция» Игорь Золотарев, историк русской эмиграции Ана-

стасия Копршивова и члены редакционного совета журнала «Русское слово» Алексей Келин и Марина Добушева.

Приветствовал гостей на открытии выставки директор Дома зарубежья Виктор Москвин. В рамках открытия состоялась короткая презентация новых публикаций — издания Славянской библиотеки «Русский заграничный исторический архив в Праге — документация» и публикации «Ольшаны — некрополь русской эмиграции», подготовленной обществом «Русская традиция». В фонд Дома русского зарубежья были переданы ценные дубликаты экземпляров русской периодики 1920-х годов как дар Славянской библиотеки московским коллегам. Предваряющая часть завершилась показом документальных кадров из жизни русской Праги 1920-х годов, снятых ин-

женером Поповым для семейного архива и смонтированных в фильм с комментариями Евгением Евгеньевичем Чириковым. В создании выставки приняли участие куратор Анастасия Копршивова в сотрудничестве с научным секретарем Дома зарубежья Марией Васильевой. В стендах экспозиции представлены материалы о лидерах Русской акции — чешских политиках и русских инициаторах, о деятельности русских эмигрантов при поддержке правительства ЧСР в самых различных областях — образовании, культуре, медицине, спорте. В витринах посетители могут ознакомиться с документами, фотографиями, предметами обихода русских послереволюционных эмигрантов в Чехословакии.

редакция

фото: Петр Пирунчик, редакция

Организаторы выставки посетили подольский «Музей антибольшевистского сопротивления». С экспозицией гостей ознакомил создатель музея атаман Владимир Мелихов. Среди экспонатов находятся детали униформы, нашивки, оружие, предметы быта времен Октябрьского переворота и Гражданской войны в России, а также редкие и весьма ценные документы, фотографии, плакаты, книги, отражающие ход военных действий и положение гражданского населения. Некоторые относятся к ЧСР — это мемуары, изданные в Чехословакии, также было замечено, что некоторая часть документов имеет штамп Русского заграничного исторического архива в Праге.

Пражская делегация была приглашена Чрезвычайным и Полномочным Послом Чешской Республики в Российской Федерации господином Петром Коларжем и его супругой на дружеский обед, состоявшийся в резиденции Посла. На обеде присутствовал известный чешский музыкант Павел Шпорцл, находившийся в это время на гастролях в России, сотрудники посольства и Чешского центра.

О памяти и о надежде

В начале февраля 2012 года в Праге вышел в свет путеводитель «Ольшаны — некрополь русской эмиграции»

Интерес к русской эмиграции, проживавшей и нашедшей упокоение в Праге, вполне закономерный: Прага, наряду с другими столичными городами Европы, такими как Париж, Берлин, София, после 1917 года стала крупнейшим центром сосредоточения русской эмиграции благодаря поддержке правительства Чехословакии. Научная и студенческая общественность стремилась в Прагу, которая обрела статус русского заграничного научного центра.

Общественная организация «Русская традиция» последовательно и целеустремленно подчеркивает свое бережное отношение к памяти о русских эмигрантах. Свидетельством тому являются многие акции, в том числе публикация три года назад книги об истории русской эмиграции первой волны в Чехословакии под названием «Дом в изгнании». На современном этапе книга «Дом в изгнании» по сути, явилась первой серьезной научной публикацией по данной проблематике, к изданию проявили инте-

рес не только специалисты, но и широкий круг читателей.

Понимая огромную значимость поддержки, оказанной русским эмигрантам со стороны президента Чехословакии Т. Г. Масарика и других руководителей страны, в октябре 2011 года общественная организация «Русская традиция» подготовила и провела международную конференцию «Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие (к 90-летию ее начала)». В рамках конференции прозвучал доклад Марины

Скромное важное кладбище

Отдельные чешские исследователи обращались к теме Ольшанского кладбища, делая упор на описание его старой части, Ольшаны-1. Их интерес понятен, поскольку там похоронены значимые для чешской и мировой истории личности — великий художник эпохи национального возрождения Йозеф Манес, поэт и деятель культуры князь Антонин Ярослав Пухмайер, математик и деятель национального возрождения Станислав Выдра и многие другие, вплоть до современников, например, Яна Палаха, устроившего самоубийство в знак протеста против советской оккупации. Эта часть кладбища является культурным памятником благодаря большому количеству ценных надгробных скульптур, пантеонов, склепов чешской и немецкой аристократии.

Напротив, часть Ольшанского кладбища-2, где находятся четыре русских участка, никогда не описывалась последовательно и целю в специальной публикации. К заслугам в этой области можно отнести лишь отдельные журнальные и газетные статьи, в основном, А. В. Копршиевой, и список захоронений (с рядом неточностей), составленный В. А. Гавриным и выложенный в свободном доступе в интернете. Кто

вообще должен был бы быть заинтересован в подобных исследованиях?

Кажется, ответ очевиден — сами русские. Логика событий после ликвидации социализма открыла тему русской эмиграции, и, по сравнению с полным замалчиванием, произошел закономерный прогресс — тема эмиграции волновала широкое общество в РФ, но постепенно с изменениями государственности тема стала инструментом пиара для политиков, и в основном ее удерживают отдельные энтузиасты и исследователи. Российским чиновникам традиционно больше нравился Париж, и французскому русскому кладбищу повезло больше. И повезло уже во второй раз.

Если у вас была возможность сравнить Сент-Женевьев-де-Буа и пражские Ольшаны, то контраст удивляет. Чешское русское кладбище скромное, в основном без красивых надгробий, декоративных элементов, здесь преобладают простые деревянные кресты, иногда полуразрушенные, иногда покосившиеся, таблички на многих давно поблекли, и лишь небольшая часть восстановлена и ухожена, а многие могилы представляют собой невнятные бугорки, поросшие плющом, без всяких следов того, кто и когда в них захоронен. Самым же стран-

ным образом тут смотрятся могилы «новых» русских, которые возникают вместо старых и уничтожают последнюю память о выдающихся деятелях русской эмиграции в Чехословакии. И если удерживается состояние захоронений на русских участках Ольшанского кладбища, слава и память о нем, то происходит это благодаря нескольким энтузиастам, которые не только пишут научные статьи, но и ухаживают своими руками за несколькими десятками могил.

Год из года возникало ощущение, что русским, которые неустанно прибывают в новую эмиграцию, не хватает знаний не только о кладбище, но и ощущения того, что они начинают жить в эмиграции не на пустом месте — что тут находятся русские могилы, русские захоронения деятелей, чьи усилия уже принесли пользу чешской науке, культуре и т. п. Так, в помощь новым эмигрантам и в память о наших предшественниках возникла идея создания книги. Она реализовалась благодаря поддержке чешского Министерства культуры, которое выделило грант на подготовку книги. Надеется, что данная уникальная публикация сыграет свою роль в защите Ольшанского кладбища от разрушения и в сохранении наследия идей первой волны эмиграции.

редакция

Добушевой «Русский крест. Ольшанское кладбище — приговор России». В докладе поднимались острые вопросы, связанные с будущностью русской части Ольшанского кладбища, обусловленные несомненной обеспокоенностью автора судьбой захоронений многих русских людей.

Участниками конференции была подержана мысль о придании статуса мемориала и постановке на государственную охрану той части Ольшан, на которой покоятся наши соотечественники, а «Русская традиция» начала работу по составлению Путеводителя по Ольшанскому некрополю. Финансовую поддержку изданию оказало Министерство культуры ЧР.

Книга вышла под редакцией М. Добушевой и В. Крымовой. В подготовке материалов активное участие приняли исследователи Д. и А. Муратовы, были использованы научные публикации И. Золотарева, Д. Кшицевой, И. Рафальской, А. Келина, Е. Чирикова и других исследователей. Над оформлением книги работали художник А. Леута и фотограф О. Воронов. Документальной основой Путеводителя послужили фонды Пражского городского архива, архива Национального музея Праги, фондов Славянской библиотеки и бесценного архива русской эмиграции, предоставленного его хранителем А. В. Копршиковой, которая стала и научным консультантом данной работы. Путеводитель иллюстрирован фотодокументами, некоторые из них введены в научный оборот и опубликованы впервые.

Путеводитель состоит из нескольких, но тематически объединенных частей, и от-

крывается повествованием об Ольшанском некрополе, о его историческом прошлом и настоящем. Вводный блок очерков путеводителя посвящен учреждению Успенского братства, причинам, побудившим представителей эмиграции приступить к строительству храма Пресвятой Богородицы на территории Ольшанского кладбища, а также инженерам, строителям и художникам, принимавшим непосредственное участие в его создании, и, конечно же, священнослужителям храма.

Значительная часть путеводителя содержит биографические данные о 38-ти захороненных на Ольшанах русских эмигрантах: биографии расположены в алфавитном порядке, с указанием юридически принятой нумерации захоронений. В соответствии с алфавитом, первой предложена биографическая справка о писателе А. Т. Аверченко, а замыкает эту часть путеводителя статья о княгине, художнице и общественном деятеле Н. Г. Яшвиль. Среди имен Ольшанского погоста — инженер-теплотехник, профессор А. С. Ломшаков, палеонтолог, академик Н. И. Андрусов, историк, профессор А. А. Кизветтер, философ, профессор П. И. Новгородцев. На Ольшанах захоронен один из основателей партии кадетов И. И. Петрункевич и один из лидеров партии эсэров А. А. Аргунов, военачальники, например, генерал-майоры С. А. Траилин и М. А. Иностранцев. Погребены на Ольшанах писатель и журналист Вас. И. Немирович-Данченко, писатель, драматург Е. Н. Чириков, специалист с мировым именем в области экономической истории и географии П. Н. Савицкий. Каждая из пред-

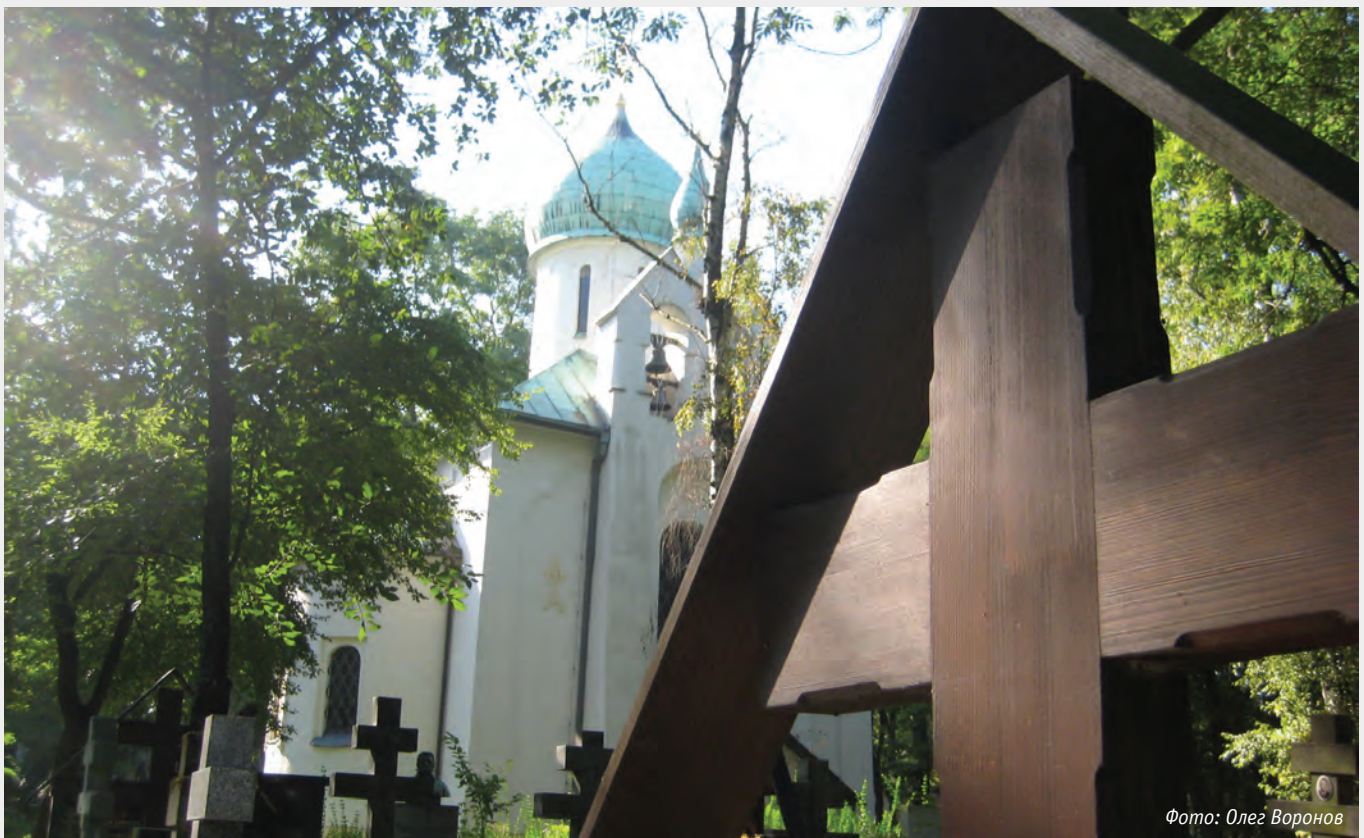
ложенных биографий наших соотечественников, которые в свое время составляли цвет и славу российской интеллектуальной мысли, достойна внимательного прочтения.

Несколько статей отведено в путеводителе захоронениям чехов, судьбы которых были тесно связаны с Россией. Можно ознакомиться с биографиями погребенных здесь дипломатов Вацлава и Йосефа Гирсы, генерала Ярослава Червинки и его сына Ярослава, тоже генерала, и еще нескольких представителей чехословацкого государства, напрямую связанных с русской эмиграцией.

Отдельно дано описание мемориальных памятников на Ольшанах, таких как «Верному русскому воину», мысль о создании которого впервые прозвучала еще в октябре 1928 года, памятника воинам Белой Армии (2003) и воинам Русской Освободительной Армии (1991), Памятной Доске жертвам советских карательных органов (1995).

Путеводитель завершается справочным, общим списком большинства захоронений русского некрополя. Безусловно, формат и объем Путеводителя, объективно не смогли включить в себя описание каждой могилы Ольшан, и исследователям еще предстоит кропотливый труд по сбору материалов с тем, чтобы русское кладбище было, наконец, признано мемориальным, но в эпилоге путеводителя заключена основная мысль, высказанная его составителями: «Хочется верить, что и эта книга внесет свою лепту в дело сохранения памяти людей, любивших Россию, работавших для России, помнивших о России, но умерших на чужбине».

Линаида Давыдова, историк

Фото: Олег Воронов

Славянская взаимность:

традиции прошлого и настоящего

Карел Яромир Эрбен (1811—1870) был чешским историком, юристом, архивариусом, писателем, поэтом, переводчиком и собирателем чешских народных песен и сказок. В самом конце минувшего года — года его 200-летия — Чешская ассоциация русистов совместно с обществом «Русская традиция», Чешско-русским обществом, Словацко-чешским клубом при поддержке Министерства культуры Чешской Республики выпустили трехязычную, чешско-словацко-русскую, версию классического сборника баллад Эрбена «Букет».

Сборник «Букет» впервые увидел свет в 1853 году и впоследствии стал одной из наиболее часто издаваемых чешских книг. Нынешнее издание, в котором были собраны труды четырех поэтов, стало сто восьмидесятым первым чешским, а если к этому числу прибавить все заграничные издания, не исключено, что оно стало юбилейным 200-м в общемировом масштабе.

Идеи славянской взаимности и национального возрождения появились в творчестве Карела Яромира Эрбена еще в юности, в годы учебы в гимназии. Сбирать фольклор он начал в школьные годы, а затем это увлечение переросло в профессию. Из всех фольклорных жанров молодого поэта больше всего привлекали песни и особенно — баллады.

В 1841 году Эрбен выпустил первый том «Чешских народных песен», в 1843 и 1845 годах вышли еще два тома. «Чешские народные песни» Эрбена были самым полным и лучшим из существовавших в то время собраний чешских песен. В большом количестве были представлены в сборнике народные баллады. На материале народных легенд и преданий он стал создавать собственные баллады: в 1834 году была написана «Полудница» и «Незванный гость», в 1837 году создана баллада «Клад».

В 1845 году Эрбена пригласили войти в языковедческую комиссию просветительской организации Matice česká, а в 1849-м он стал действительным членом Чешского научного общества.

В 1860-е годы усиливаются связи Эрбена с Россией. В то время он вел большую переписку с русскими учеными и стал в определенном смысле посредником в культурных связях между Чехией и Россией. Именно к Эрбену обращаются приезжающие в Чехию русские ученые А. Н. Пыпин, А. Ф. Гильфердинг, А. А. Потебня и Н. И. Костомаров.

23 апреля 1867 года в Москве в здании эскерциргауза (манежа) состоялось торжественное открытие Русской этнографической выставки. Это была первая этнографическая выставка в России, на которой посетители познакомились со всеми народами обширной империи. В сборе памятников и в финансировании покупок принимали участие многие выдающиеся ученые и деятели культуры из славянских стран, в том числе — президент Чешского исторического общества Карел Яромир Эрбен.

Конечно же, он присутствовал на этом событии лично, прибыв в Петербург в качестве гостя вместе с художником Йозефом Манесом. «Поездка эта, — писал Эрбен, — останется для нас, участ-

ников ее, незабываемой во всех отношениях, потому что мы очень многое изучили и наши представления о русских значительно обогатились в их пользу. Что касается меня, то я должен признаться каждому: это самый искренний и самый сердечный народ».

Конец жизни Эрбен посвятил работе над русскими историческими и литературными памятниками. В 1867 году увидел свет его перевод Несторовской летописи, в 1869 году — перевод «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». За эти труды многие русские ученые общества избрали Эрбена своим членом. Его заслуги перед русской наукой и литературой были отмечены в 1862 году орденом св. Анны II степени; великий князь Владимир Александрович за перевод «Повести временных лет» пожаловал ему бриллиантовый перстень. В 1856 году Отделением русского языка и литературы Петербургской академии наук Эрбен был избран ее почетным членом, и тогда же своим почетным членом его избрала Императорская Публичная библиотека, а 1869-м — Петербургское филологическое общество.

Первые переводы произведений Эрбена датированы началом 1840-х годов. Среди них было стихотворение «Клад» в польском переводе Адама Рошчишевского из Рошчицева (1774—1844). Избранные произведения из сборника «Чешские народные песни» опубликовал на чешском и русском языках в 1842 году в своем журнале Denice—Jutrzenka в Варшаве Петр Павлович Дубровский, множество из них в русском переводе включил в свою антологию «Песни разных народов» (Санкт-Петербург, 1845) Николай Васильевич Берг.

С 1860-х годов в России жили и работали тысячи чешских музыкантов, и песни из Эрбеновских песенников исполнялись на чешском и русском языках. На русский были переведены сказки, но отдельный сборник избранных произведений Карела Яромира Эрбена вышел только в 1948 году. Инициатором издания и его редактором стал профессор Петр Григорьевич Богатырев, который в 1920—30-х годах работал в Праге. В сборник, наряду со стихами и сказками, вошел и «Букет» в переводе Николая Асеева. В Словакии «Букет» читали в оригинале до конца 1970-х годов: сборник в словацком переводе Любомира Фельдека вышел в 1980 году. Эта книга приобрела огромную популярность и в течение короткого периода была издана тиражом более ста тысяч экземпляров.

В году 200-летия поэта в Чехии и за ее пределами состоялось множество культурных мероприятий, на которых с одной сцены вполне гар-

Иллюстрация Мирослава Гуптиха к балладе Эрбена «Водяной»

монично звучали чешский, русский и словацкий языки. Это и привело издателей к идее объединить их в одной книге. Трехязычный сборник «Букет» украсил своими коллажами чешский поэт и художник Мирослав Гуптих, прибавивший тем самым еще один довод для ее издания.

Внимательный читатель, безусловно, обратит внимание на многочисленные пропуски в русской версии баллад, которые стали заметны только при работе над книгой. Это особенно интересно потому, что в остальном текст выдающегося поэта Николая Асеева звучит очень аутентично, и даже неискушенный читатель не может не отметить его высочайшее качество — особенно в этом издании, когда мы можем строчка за строчкой сравнить его с оригиналом. Что же упустил при переводе поэт Асеев в 1948 году? Или, может, это была уступка цензуре? Найдите и рассудите сами.

Издатели книги хотели бы поблагодарить за финансовую поддержку издания Министерство культуры ЧР и меценатов Союзу Халили, Владимира Ермакова и Ярослава Добраву.

Презентация книги стала 15-м концертом в рамках эрбеновского юбилея и состоялась 24 февраля в знаменитом пражском театре «Семафор». На его сцене книгу представляла вместе с Й. Клапкой председатель Словацко-чешского клуба Надя Вокушова. На сцене выступил автор словацкого перевода поэт Любомир Фельдек и председатель Всемирного содружества словаков, проживающих за границей, Владимир Скалки; на чешском и русском языках пели Эва Пиларова, Йитка Молавцова, Йиржи Сухи и Йиржи Клапка, играли Наталия и Александр Шонерт и капельмейстер театра «Семафор» Йиржи Н. Свобода. Театр был битком забит зрителями, многие стояли в партере и на балконе. Среди публики были гости из многих мест Чехии и Словакии — педагоги, артисты, певцы, поэты.

В заключение вечера Йиржи Сухи был награжден медалью Йозефа Юнгмана за исключительный вклад в чешскую культуру и распространение ее доброго имени за границей.

О том, как возник проект, нам рассказал инициатор издания — председатель Чешской ассоциации русистов и «ЧешскоСловацкой сцены» Йиржи Клапка: «К 200-летию Эрбена мы провели ряд тематических концертов в Чешской Республике, выступали мы в Братиславе и Санкт-Петербурге. Вместе с песнями из эрбеновских сборников, переведенных на русский язык, частью программы было и трехязычное чтение отрывка из баллады „Свадебные рубашки“ в виде небольшой

монодрамы. Описание ситуации звучало на чешском, мертвец говорил по-словацки, а его возлюбленная по-русски. И в результате договоренности с художником Мирославом Гуптихом, издательством Práh и, главное, с д-ром Зузаной Мальцовой из Министерства культуры ЧР, возникла мысль трехязычного издания книги. На концертах со мной выступил ряд артистов: Александр и Наталия Шонерт, Группа братьев Такслеров, Тая Яношова, Клаудия Айбенова, Йиржина Маркова, фрагмент „Свадебных рубашек“ как диалог читали на разных мероприятиях Надя Вокушова, Анна Хлебина и Владимир Скалки, а в „Семафоре“ на презентации книги — актриса Лилиан Малкина и даже председатель Сената верховного суда ЧР д-р Рудольф Томашович.

Само издание я как редактор-составитель посвятил легенде чешского искусства Йиржи Сухому, который в минувшем году отпраздновал 80-летие, а в марте 2012 года чешская культурная общественность будет отмечать 40-летие его знаменитой постановки „Букета“, показанной уже почти 600 раз».

Ольга Шелепова
фото: Франтишек Петрак

На сцене «Семафора» (слева направо): Й. Молавцова, Й. Сухи, Й. Клапка, Н. Вокушова, Э. Пиларова, Л. Фельдек

ТЕАТР .DOC в Праге

Театр.doc — это, несомненно, один из наиболее интересных феноменов современного российского театрального процесса. Эта московская площадка, существующая без всякого государственного финансирования, была основана в 2002 году драматургами Михаилом Угаровым и Еленой Греминой. В Москве неподалеку от Патриарших прудов у нее есть театральное помещение на сорок зрительских мест. Я нарочно использую выражение «театральное помещение», поскольку речь идет не о сцене в традиционном понимании, а о неприглядном подвале, где подмостки и зрительный зал сливаются в единое целое. Помещение, в котором зритель сразу чувствует себя некомфортно, красноречиво соответствует темам, которые Театр.doc разрабатывает — это жгучие социальные и политические вопросы современности.

В воскресенье 29 января и в понедельник 30 января с этим московским театром могли познакомиться и чешские зрители — труппа выступила в пражском театре Archa. «Театр.doc подходит радикально к проблемам современной России, он в немилости у российских органов власти. Театр Archa гордится своим участием в этом проекте и тем, что может представить его в премьеру чешским зрителям», — прокомментировал директор театра Archa Ондржей Граб причины, которые побудили его внести в программу такой нетрадиционный московский театр. Театр.doc на обоих выступлениях представил постановку «Двое в твоём доме», посвященную репрессиям авторитарного режима Александра Лукашенко по отношению к политической оппозиции в Белоруссии.

Импульсом для возникновения спектакля стала история поэта Владимира Некляева, лидера гражданской кампании «Говори правду!», который в президентских выборах в декабре 2010 года стал конкурентом Лукашенко. После выборов Некляев вместе с семью другими оппозиционными кандидатами в президенты был арестован во время демонстрации, жестоко избит, обвинен в организации массового нарушения общественного порядка и приговорен к двум годам домашнего ареста. Чтобы удостовериться в том, что Некляев не будет нарушать условий ареста, в двухкомнатную квартиру, где он жил вместе с женой, вселились два агента белорусского КГБ. Это и стало реальной основой для спектакля.

Так же, как и в случае предыдущих трех десятков постановок, и на этот раз коллектив Театра.doc работал с оригинальными

документальными материалами. Частью подготовки к постановке «Двоих в твоём доме» были поездки в Минск, где создатели пьесы лично беседовали с Некляевым, его женой Ольгой и сотрудниками госбезопасности. Эта аутентичная основа послужила исходной точкой для создания документального театра, описывающего в точности до малейших подробностей ограничения ежедневного существования в двухкомнатной квартире супругов Некляевых.

Режиссер Талгат Баталов переработал историю недобровольного сосуществования с незваными гостями так, что она производит впечатление трагикомедии и несет черты драмы абсурда. Сцена, что характерно для драмы абсурда, — минималистична. На фоне увеличенного плана квартиры Некляевых (настоящей, той, в которой они живут в Минске) на нескольких стульях, которые по ходу действия по-разному перегруппировываются, разыгрывается действие, а точнее — дискуссии

между наблюдаемыми и теми, кто за ними по данному властью праву наблюдает. На переднем плане сцены стоят пылесос и ведро — атрибуты чистоты и порядка. Три чередующихся агента КГБ каждый раз приносят с собой тапочки, аккуратно сложенные в полиэтиленовый пакет. Инициатором большинства конфликтов между обитателями квартиры выступает Ольга, жена домашнего заключенного. Она настолько агрессивно ведет себя с незваными гостями, что агенты проникаются к поэту состраданием — с какой фурией он живет.

Представление разбито на пронумерованные этюды, названия которых зритель читает в титрах на табло, размещенном над сценой. Этюды (всего их пятнадцать) охватывают в коротких сценах странный мир квартиры Некляевых.

Финал пьесы — Уборка — завершительный скетч, в котором утроба пылесоса, устройства порядка, расположенного в центре сцены, извергает горы белой мыльной пены. Надзор заканчивается, необходимо провести очищение. Надсмотрщики, время которых подошло к концу, превращаются в неистовых полуголых «танцующих уборщиков», которые экзотически исполняют механические движения среди мыльных пузырей. Сначала с сомнением, но в конце очень энергично к ним присоединяется и пара Некляевых — Ольга и теперь уже свободный Владимир.

Из актерских работ особенно удачна фигура Ольги в исполнении Ирины Савицковой. Некляев, воплощенный режиссером и драматургом Максимом Курочкиным (что уже является очень интересным), выглядит рядом с энергичной Ольгой настоящим поэтом — хрупким, податливым. Даже не хочется верить, что человек, настолько смиренный в частной жизни, может быть лидером президентской оппозиции.

После обоих представлений состоялись дискуссии с участием актеров Театра.doc, режиссера Талгата Баталова, художественного руководителя театра Михаила Угарова и автора пьесы Елены Греминой. Вел дискуссию Ян Румл при участии многолетнего представителя белорусской секции организации «Человек в беде» (Člověk v tísni) Лиды Вацковой.

Гастроли Театра.doc в пражском театре Archa стали для чешской публики не только неординарным впечатлением, но и воспоминанием об эпохе, не так давно ушедшей.

*PhDr Ивана Рычлова
Фото: Divadlo Archa*

Елена Гремина: «Готов ли современный человек быть героем?»

Драматург Елена Гремина — один из инициаторов и руководитель проекта «Документальный театр» (Театр.doc). Этот театр, где запрещены грим и декорации, открылся в 2002 году и с тех пор работает в соответствии со своим слоганом: «Театр, в котором не играют». Герои постановок — в большинстве своем, представители неблагополучных социальных групп и просто беззащитные люди: инвалиды войны, солдаты, бомжи, женщины-заключенные, наркоманы, гастарбайтеры. Здесь беспристрастно говорят практически на любые темы, в том числе, и на неудобные социальные и политические. При этом постановщики совершенно не заботятся об успехе спектакля, ведь Театр.doc — не развлекательный театр.

— Насколько Театр.doc уникален для России?

— Десять лет назад, когда возник Театр.doc, он действительно очень отличался от того, что происходило на сценах театров в целом. Это сейчас все немножко изменилось, и, хотя мы стараемся быть маргинальными, мы уже перестали быть таковыми. А в самом начале все, что мы делали, было маргинальным, невостребованным на стационарных площадках — таким театральным диссидентством. Потому что у нас в России театр был ориентирован скорее на прекрасное — во многом это и сейчас так. То, что называют «новая драма», стало влиятельным движением, и на сценах других театров вы можете увидеть что-то, приближающееся к этому движению. И это явление не нуждается в защите или особом позиционировании: это уже есть. Но в принципе, театр, прежде всего, в России, сейчас выживает, старается

Елена Гремина — драматург, сценарист. Одна из инициаторов и руководитель проекта «Театр.doc». Член художественного совета Фестиваля молодой драматургии «Любимовка». Одна из учредителей фестиваля «Новая драма». Инициатор и учредитель Фестиваля действительного кино «Кинотеатр.doc». Руководитель (совместно с Еленой Ковальской) «Сценарного бюро Любимовка». Автор ряда пьес. Лауреат премии «Сталкер» (2005) за деятельность в области нового театра, всероссийского конкурса пьес о Москве, конкурса WDR (Кельн, Германия) на лучшую радиопьесу (1991) и всероссийского конкурса радиопьес (1992). Член Союза писателей РФ, Союза театральных деятелей РФ.

развлечь публику, не ставить никаких неприятных вопросов, не быть тревожащими, что печальным образом сказывается на репертуаре и на всем остальном. Но это моя точка зрения.

— **Имеет ли у зрителя успех документальная драма?**

— Успех для меня не является категорией, которую надо преследовать. Я всегда говорю группе: «Друзья, вы можете провалиться». У нас, например, есть спектакль, который плохо продается, потому что он очень мрачный. Но это очень хороший спектакль.

— **Важна ли для Вас как автора документальных пьес объективность?**

— Конечно, мы идем за реальностью. Я очень сильно погружаюсь в материал, стараясь понять, что было на самом деле. У нас проект, который объединял такие стадии разработки, даже назывался «Охота за реальностью». Потому что любая документалистика может быть чудесным средством манипуляции. Вы можете посмотреть телевидение: там, вроде, все документально, но и этим манипулируют людьми. В принципе, этика документального театра манипуляции отрицает. Она пытается идти за истиной.

— **Ощущает ли театр давление со стороны властей?**

— Давление у нас сейчас может быть, прежде всего, экономическое. Многие люди, деятели культуры отвечают за свои коллективы, они боятся что-то потерять. А у нас независимый театр, нам терять нечего, поэтому мы можем делать то, что мы хотим.

— **Как Театр.doc пришел к теме политики?**

— Год назад драматург Анна Яблонская, близкая к нашему театру, погибла во время теракта в «Домодедово». Той же зимой случились события в Белоруссии, близко коснувшиеся отца Евы Некляевой, которую мы тоже хорошо знали — мы делали с ней один из проектов. Было ощущение, что политика уже занялась окружающими, она вошла в наш дом и заставила сформулировать свое к ней отношение. Мы всегда хотели быть вне политики, у нас театр общественно-гражданской позиции. А тут получилось, что пришлось об этом всем как-то думать.

В момент, когда никто не знал, где Владимир Некляев, мы, чтобы поддержать отца нашей подруги, сочиняли эссе о том, что в принципе делать художнику, когда идет наступление на свободу, когда усиливается диктатура. И в результате человек пятнадцать — Максим Курочкин, братья Думенковы, Аня Яблонская, другие талантливые люди — написали такие маленькие эссе. Это было такое наше вхождение в этот проект.

Дальше, когда уже ближе к суду Владимир Некляев встретился с дочерью Евой, она рассказала мне саму ситуацию домашнего ареста, которая меня очень впечатлила. Я решила, что это готовый спектакль. О том, как в очень маленькой квартире супружеская пара обычных людей, не разведчиков, не военных — поэт и его жена — попали в ситуацию домашнего ареста. Они на очень маленьком пространстве существуют день и ночь с совершенно чужими им людьми, которые за ними наблюдают. Это спектакль, пьеса, которая происходила в действительности. Так что эта идея драмы пространства «Двое в твоём доме» возникла сразу после встречи с Некляевой. Потом уже наша группа коллег поехала в Минск и там они провели несколько дней, встречаясь с разными людьми, собирая материал. И когда они этот материал привезли, выяснилось, что он по жанру совсем другой, чем я думала, потому что там много черного юмора ситуаций, комических обстоятельств домашнего ареста. И с этим материалом я работала уже над пьесой.

— **Значит, этот материал касался не только Некляева?**

— Естественно, чтобы сделать что-то, мы пытались понять контекст. Наша группа встречалась и с обычными людьми, и с людьми из оппозиции, и беседовала с бывшим, правда, кагэбэшником — потому что нынешние кагэбэшники дистанцировались от этих разговоров. Но человек, который еще недавно работал в КГБ, рассказал, как это все происходит, поэтому нами дан достаточно широкий объективный срез совершенно неожиданных материалов.

— **Как буквально пишется такая пьеса?**

— Документальная пьеса всегда пишется по-разному. Все зависит от проекта. Иногда у вас есть очень хороший документальный материал и ваша функция как автора — это, скорее, монтаж. Иногда, как это у нас было с «Час 18» — это наш спектакль, посвященный делу Магнитского, который имел огромный резонанс в России — проблема была в том, что люди, которые давали нам интервью, просили выключить камеры, диктофоны и не упоминать все, что они говорят, чтобы не было никаких собственных имен. Речь шла о том, какие взятки в судах, сколько стоит открытие дела против вашего конкурента по бизнесу, закрытие дела, сколько стоит передать мобильный, стакан кипятка налить...

Что касается создания «Двоих в твоём доме», Ольга рассказывала, что она специально жарила какое-то очень вкусное мясо, свежее, которое ей передавали ее родственники из деревни, чтобы дразнить этих стражей, потому что им нельзя было есть ничего. Какие-то вещи вошли в спектакль — например, как она делает громче музыку, когда ее просят сделать тише, но, в частности, история с мясом не вошла.

Практически все, что вы увидите в спектакле, основано на документальных материалах. Но некоторые сцены у нас шли методом импровизации. Я писала либретто, режиссер давал задания артистам, а все артисты, которые у нас играли кагэбэшников, писали биографии своим героям, и с этими биографиями уже работали. Два таких этюда потом вошли в пьесу. Например, такая сцена как «Дебош Ольги» у меня была записана как либретто: что Ольга делает то-то и то-то, говорит то-то и то-то — были записаны только ключевые

фразы, артист к ним шел сам. Это для того, чтобы создать ощущение, что эти монологи придуманы только что и их говорят прямо сейчас.

— В недавнем прошлом за диссидентами тоже следили, часто в открытую, агенты сидели на лестничной площадке. А чужие люди в квартире — это что-то совсем другое...

— В том-то и дело. Мы в России даже делали такую вставку, называется «Маша и медведи»: кто сидел на моем стульчике, кто ел из моей чашки, кто спал на моей кровати... И это все происходит у вас дома. Они пришли — и вы не можете их выгнать. Они ходят в ваш туалет, дышат с вами одним воздухом... Это такое насилие, прикрытое законом — нам показалось, что это очень экзистенциальная ситуация, где можно, тем не менее, расследовать, насколько современный человек, избалованный комфортом, безопасностью, готов протестовать. Насколько он готов защищать свою собственную свободу, именно свободу, потому что свобода и безопасность — это совершенно разные вещи. Когда свобода заставляет людей забывать о безопасности и подвергать свою жизнь опасности.

— Чем был обусловлен выбор этого спектакля для гастролей?

— Идея спектакля привлекла внимание продюсеров. Он вышел как копродукция Театра.doc с несколькими европейскими фестивалями. Они нам помогли выпустить этот спектакль, а мы к ним приехали и его показываем.

Летом мы собирали материал, в сентябре у нас были два показа первых собранных материалов на фестивале «Любимовка», где нас очень поддержала наша аудитория. Следующую пробу мы показывали в Кракове, премьеру мы показывали в Хельсинки, потом мы поехали в Мюнхен, тоже на фестиваль. Потом у нас была премьера в Москве, еще в России показывали его в Костроме, и вот мы здесь: только что были в Вене и теперь готовимся показать наш проект в Праге.

— Как публика воспринимает этот спектакль?

— Это зрительский спектакль, к тому же, там очень много смешного. Для меня это неожиданность. Сама идея драмы пространства хороша для театра, ведь главное для театрального драматурга — это придумать пространство, в котором происходит все действие. Но когда мы шли с материалом, оказалось, что там очень много смешных сцен, часть из которых похожа на средневековые фарсы — шутки про «низ», про то, кто как сходил в туалет. Артистам есть что играть, они в противостоянии, Ольга с кагэбэшниками постоянно в злой жестокой игре — но это смешно, и публика это воспринимает, как правило, очень хорошо.

И потом, мы сосредоточились здесь на проблеме, которая нас всех очень волновала — это обычный человек, у которого просто есть определенное отношение к тому, что свободы в стране все меньше и меньше. Готов ли современный человек быть героем или он слишком избалован благополучной и безопасной жизнью? Мне кажется, это такие вопросы, которые рано или поздно жизнь все равно может поставить перед любым человеком, где бы он ни был.

— Готовы ли вы показать такой спектакль в Белоруссии?

— С одной стороны, мы готовы, с другой, я как руководитель театра как-то не хочу, чтобы моих ребят ударили по голове, тащили куда-то... У нас молодая группа, они резкие, смелые, но одно дело, когда ты сам собой рискуешь, а другое, когда ты посылаешь кого-то на риск...

— У вашего театра очень широкий спектр тем, есть даже спектакль для детей...

— Это очень интересная история. Это интерактивный спектакль, где дети принимают участие в представлении и, в частности, концентрируются на том, что смотрят со стороны на то, как себя вести. Например, персонажи этой пьесы конструируют ситуацию в детском саду. Зовут их Нылка и Вылка — это ужасные дети, чудовищные две девочки, которые доводят воспитательницу. И актриса-воспитательница спрашивает зал: «Вылка залезла под стол и не хочет вылезать, а ее надо кормить кашей, а то она исхудает и заболит. Что делать?» И тут дети вдруг говорят: «Отшлепать ее! В угол ее поставить!» Родители покрываются красными пятнами, потому что понимают, как они воспитывают своего ребенка. А актриса им отвечает: «Нет-нет, мы не будем этого делать, мы сейчас все прочитаем стихи, споем песни, нам здесь будет очень весело, она выйдет с нами играть».

— Это прямо материал для диссертации...

— Диссертации пишут, честно говоря. Не только театровед Татьяна Могилевская писала в Сорбонне диссертацию, но и социолог из Англии написала диссертацию про Театр.doc.

— Как театр реагирует на политические события последних месяцев — выборы, митинги оппозиции?

— Под новый год мы делали такой спектакль в жанре «свидетельского театра», когда мы приглашаем в спектакль не актеров, а реальных людей. Это обычно один раз проходит, потому что во второй раз это будет не то. Приглашали людей, которые оказались арестованными на митинге и сидели за решеткой. Это был первый после выборов митинг на Чистых прудах. И там было несколько людей, в том числе, профессиональные революционеры Илья Яшин, активист арт-группы «Война» Петр Верзилов, а также просто случайные люди, которые проходили мимо. И все эти разные люди с разными целями рассказывали, как они эти 15 суток существовали в изоляторе — это было очень интересно.

Это был очень ценный театральный опыт. Там было двое ведущих, актриса Ирина Вилкева и Михаил Угаров, который был режиссером этого спектакля. Они изначально примерно себе представили, что может получиться, но именно публика делала этот спектакль. Как она реагировала, как кого-то из участников сделала главным героем, и именно ему доставалось больше внимания, и поэтому он больше говорил — аудитория сама организовывала весь спектакль.

— Есть ли у театра какие-нибудь новые проекты?

— У нас в разработке есть несколько документальных проектов. Если говорить о важных для театра проектах, мы продолжим нашу пассивную борьбу за тюремную и судебную реформы в России. Один из проектов носит название «Люди в погонах: сравнительное жизнеописание». Когда мы стали ближе к тотальной коррупции, мы выяснили, что, тем не менее, есть хорошие судьи, хорошие следователи, им очень трудно. И мне интересно, как в условиях этой тотальной системы, которая больна, человек остается здоровым. Это очень интересный момент. Второй такой проект — это «Песни нашей тюрьмы», про судебную и тюремную систему. И еще у нас проектов десять репетируется.

Анна Хлебина

Фото: автор, архив театра Archa

Владимир Маяковский на улицах Праги

В. Маяковский, портрет А. Гоффмайстра

Маяковский с чешскими коллегами на утренней прогулке по Праге, на Новой замковой лестнице

У Владимира Маяковского было безрадостное детство и сложный период взросления. Больше всего он мечтал изменить эту ситуацию. Это стало одной из причин, по которым его привлекало движение футуристов: красота беспокойства, скорости и борьбы, поэзия отваги и бунта. Футуризм русский имел сходство с итальянским только по форме, но отнюдь не во взглядах. Русский футуризм объединился с антивоенным и революционно настроенным движением. Владимир Маяковский постепенно стал одной из ведущих фигур футуризма в России, а значит, артистов и поэтов, выступавших в необычайно диких программах петербургского кабаре «Бродячая собака».

Впоследствии они с приятелем-футуристом Давидом Бурлюком за антиобщественное поведение («за участие в публичных диспутах») были исключены из Московского художественного училища живописи, ваяния и зодчества. С 1915 года им покровительствовал Максим Горький. «Они молоды, у них нет застоя, они хотят нового свежего слова, и это достоинство несомненное», — писал он в статье «О футуризме». Однако, по словам М. Горького, будущий вождь мирового пролетариата В. Ленин в адрес В. Маяковского высказывался с недоверием: «Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и все у него не то, по моему, — не то и мало понятно. Рассыпано все, трудно читать. Талантлив? Даже очень? Гм-гм, посмотрим!»

Его творчество очень обширно: он стал не только поэтом, но и прозаиком, драматургом и художником. В 1918 году он написал сценарий для трех фильмов, где сыграл главные роли.

Поэзия Маяковского, прежде всего, — городская, она написана не для литературных кафе, а для толпы, она риторическая и содержит вульгаризмы. Много у него и поэзии плакатной, гиперболической, в чтении важное место занимают слуховые эффекты. Иногда он ошеломляет масштабностью чисел, веса и объема. Некоторые стихи — обычные агитки. Обычной для него является прозаизация поэтического словаря и экзальтированное чтение любовной поэзии. Но ряд критиков останавливается перед почти экстремальным самовосхвалением Маяковского. Даже когда поэт прославляет коллективизм, его личность источает индивидуализм. Его первая книга стихов называется «Я», первая театральная пьеса — «Владимир Маяковский. Трагедия», а свою автобиографию он назвал «Я сам».

Маяковский в Праге

Поездка за пределы советской России была для рядового гражданина почти невозможной, но Маяковский относился к числу привилегированных лиц и с юмором отмечал, что стал первым со-

ветским туристом, отправляющимся за границу. И даже посвятил стихотворение советскому паспорту.

Пятая поездка, состоявшаяся в апреле 1927 года, привела поэта в Чехословакию. Общество культурного и хозяйственного сближения с новой Россией и Всесоюзное общество культурной связи с заграницей организовали публичное выступление Маяковского в Праге.

В Чехословакии к тому времени Маяковский был, конечно же, известен. В 1924 году вышел чешский перевод его «Сказки о красной шапочке», а в 1925-м — отдельным изданием была выпущена поэма «150 000 000».

На вокзале его 19 апреля 1927 года ожидал пресс-атташе советской делегации Роман Якобсон. Не исключено, что в группе, приветствовавшей поэта на перроне, был его переводчик Богумил Матезиус и поэт Йозеф Гора. Вероятнее всего, групповой портрет из пражского Мемориала письменности, где мы видим Маяковского в обществе писательницы Марии Майеровой, Йозефа Горы, начинающего автора Йиржи Вейла и переводчика Франтишека Пишека, был также сделан в первый его приезд в Прагу.

Владимир Маяковский переночевал в художника Адольфа Гоффмайстра, а затем перебрался в отель Adria на Вацлавской

площади. На плохо сфокусированной любительской фотографии Маяковский запечатлен в обществе поэта Йозефа Горы, оба одеты в плащи и шляпы. Что делал советский поэт следующие три дня на улицах Праги, точно неизвестно, но, скорее всего, в это время его посетил редактор газеты Prager Presse: 22 апреля это полуофициальное издание опубликовало интервью с Маяковским. О пребывании Маяковского в Праге сообщает интересную информацию в своих воспоминаниях Отакар Шторх-Мариен, шеф знаменитого центра авангардного искусства «Авентин». Довольно подробно о приезде поэта рассказывал журнал Rozpravu Aventina, а Адольф Гоффмайстр нарисовал его портрет.

Владимир Маяковский выступил перед пражской публикой впервые 23 апреля в перерыве в представлении Малого ревью Освободительного театра, действовавшего в малостранском зале Художественной беседы. О его выступлении со стихотворениями «Наш марш» и «Левый марш» вспоминает В. Незвал: «В антракте второго представления Малого ревью актеров и публику ожидал сюрприз: как будто гигантский предмет пробил крышу и пролетел сквозь потолок — на нашей сцене появился наголо остриженный великан Владимир Маяковский и стал читать свои стихи. Могучий бас поэта ритмично, с акцентом на второй слог стихов „Левого

Владимир Маяковский (третий слева) в гостях у писательницы Марии Майеровой (в центре, без шляпки). Крайний справа — Йозеф Гора.

Прага, 1927

марша“, приколачивал зрителей к стульям. Затем он исчез так же загадочно, как и появился».

В воскресенье 24 апреля Маяковский был с Адольфом Гоффмайстром на утренней прогулке по старой Праге. Широко расставив длинные ноги, он стоял на вершине Замковой лестницы и влюбленно произнес: «Прекрасная маленькая Прага», — видимо, еще пребывая под впечатлением от посещения значительно более крупного Парижа.

В понедельник 25 апреля Маяковский принял участие в собрании «Девятьсила», левого объединения поэтов, писателей и архитекторов, в кафе Орега, а также в вечере дружеской встречи с чехословацкими писателями, организованном советским посольством на вилле «Тереза».

На следующий день Маяковского и нескольких друзей пригласила к себе домой писательница Мария Майерова. В компании был журналист Юлиус Фучик. А вечером у Маяковского в Народном доме на Виноградах была лекция «Десять лет десяти русских поэтов». С воодушевлением впоследствии поэт написал, что зал, где он выступал, был переполнен. После лекции читалась поэма «150 000 000» в переводе проф. Матезиуса. Третья часть несла название «Я и мои стихи». В завершение около 300 человек выстроились в очередь, желая подписать книги. «Скучный и тяжелый труд», — раздраженно прокомментировал чехословацкую страсть к автографам поэт. На этом его пребывание в Праге окончилось, и Маяковский день спустя сел в поезд до Берлина.

Второй визит Маяковского в Прагу, состоявшийся 16—19 февраля 1929 года, для общественности остался покрыт тайной. По воспоминаниям издателя Вацлава Петра, Маяковский побывал инкогнито на авентинской выставке картин Богумила Кубишты. Кроме того, он должен был встретиться с драматургом Виноградского театра Йозефом Кодичком насчет возможной постановки своей пьесы «Клоп». Однако Кодичек не считал условия для успешного представления пьесы на чехословацкой сцене благоприятными.

«Дачу пооттяпали в Крыму...»

В 1890 году молодой чешский политик, депутат имперского сейма Карел Крамарж познакомился в Москве с Надеждой Николаевной Абрикосовой. 17 (30) сентября 1900 года в Крыму, в Гаспре, в семейной часовне летнего дворца, принадлежавшего графине Софье Владимировне Паниной, они стали супругами.

Для того чтобы у Надежды Николаевны было больше возможностей для общения с детьми от первого брака и русскими друзьями, они приобрели там же, в Гаспре, участок, где в 1905—1908 годах по проекту Яна Котеры была построена вилла «Барбо». Рядом с виллой располагался террасный парк с розарием,

благоустройством которого в 1899 году занимался известный чешский садово-парковый архитектор Франтишек Йозеф Томайер (в частности, автор проектов парков у Главного вокзала и на Карловой площади в Праге).

Надежда Николаевна, разделявшая славянофильские воззрения мужа и участвовавшая вместе с ним в пражском славянском съезде (1908) и в славянском съезде в Софии (1910), в одном из завещаний по поводу виллы «Барбо» указала, что отдает ее «в пользу идей славянского сближения». Наверняка она и представить себе не могла, в какую форму воплотится это завещание.

В 1920 году все крымские имения были национализированы и переданы в ведение специально созданного Управления Южсовхоза. В соседнем с «Барбо» «Чаире», принадлежавшем Великой Княгине Анастасии Николаевне, организовали совхоз, где выращивали розы, фиалки, сирень, клубнику, землянику и зелень. В здании дворца открыли школу-колонию для детей, которые здесь же и трудились.

В имениях «Барбо» и «Барбо-Кристо» был открыт санаторий для политработников, а вилла «Барбо» была переименована в «Маевку». Останавливались в усадьбе отнюдь не рядовые пролетарии, а видные партийные деятели, такие как М. И. Ульянова, Н. А. Семашко, М. В. Фрунзе. Поэт Маяковский, отдохавший в 1926 и 1927 годах в Чаире и Ялте, наверняка видел эту виллу и знал о ее происхождении, поскольку Карел Крамарж после национализации требовал от Советского правительства возмещения стоимости имения.

Виллу Крамаржа Маяковский упоминал во всех публикациях, связанных с Чехией. Например, в статье «Чешский пионер»,

Вилла «Барбо»

В плену тридцатых годов

Среди множества поэм, которые написал трудолюбивый и талантливый В. Маяковский, можно найти произведения, указывающие на трагические черты его личности. Он был поэтом с неуравновешенными и противоречивыми чертами характера. Его шумная фигура и выражение постоянной разгневанности вызывали ассоциацию с кулачным разрешением конфликтов, но в действительности он терял сознание при виде капли крови. Пламенный революционер, страдавший ипохондрией при мысли об инфекционных заболеваниях и пивший даже в дорогих ресторанах напитки только через соломинку.

Перед толпой слушателей он был успешным поэтом толпы, в частной жизни эгоцентрик, страдавший от неуверенности в качестве своих стихов. Он насмехался над религией, но себя считал пророком. Критически отзывался о тех, кто под прикрытием революционных идей соблазнял девушек, при этом сам имел нескольких любовниц в России и за границей. И его самоубийство до сих пор в полной мере не объяснено.

Известно только, что невыясненные отношения с Лилей Брик и Вероникой («Норой») Полонской его поводом точно не были. Возможен даже несчастный случай с револьвером и одним патроном как игра в русскую рулетку. Или горькое разочарование в обществе, где восторжествовали отнюдь не свобода, равенство и братство, а лицемерие, злоба и бесстыдство. Возможно, также страх перед будущим, тревога о своей судьбе в ухудшающейся атмосфере сталинских репрессий. Может, и опасение, что рабочий кабинет на московской Лубянке придется сменить на другое, несколько большее помещение, называемое Большой Лубянкой... Такой в тридцатые годы была судьба многих талантливых людей в советской России, которые хоть как-то выделялись на фоне остального общества.

*Владимир Хильченко
Фото: архив автора*

изданной в 1927 году по возвращении из Чехословакии, он не удержался от иронического замечания устами «чешского пионера», рассказывающего о постановке труппой «Синие блузы» сцены «Слезы Крамаржа»: «Крамарж этот раньше русским буржуем был. Большевики у него в Крыму дачи отобрали и на дачах санатории да дома отдыха устроили. Крамарж обиделся, уехал в Прагу, свою партию фашистов собрал — ругает теперь советскую республику на чем свет стоит, агитирует здесь, чтобы большевиков не признавали, да о потерянных дачах с женой по вечерам плачет». «Впрочем, синемолузка — это название, — пишет Маяковский в очерке „Немного о чехе“. — Синие блузы носить запрещают. Подвели под какой-то старый закон о запрещении носить „форму“ и однажды задержали на улице синемолузников, отвели их в участок, сняли рубашки и домой отпустили голыми. С Крамаржем такого не случилось. Ему в Чехословакии значительно свободнее».

*Л. Брик и В. Маяковский
в Крыму, 1926*

Очевидно, тогда же, по возвращении из Европы в 1927 году, он сочинил и стихотворение «Славянский вопрос-то решается просто».

Славянский вопрос-то решается просто

*Крамарж, вождь чехословацкой
Народной партии (фашистов) —
главный враг признания СССР.*

Я до путешествий
очень лаком.
Езжу Польшею,
по чехам,
по словакам.
Не вылажу здесь
из разговора вязкого
об исконном
братстве
племени славянского.
Целый день,
аж ухо вянет,
слышится:
«славянами»...
«славян»...
«славяне»...
Нежен чех.
Нежней чем овечка.
Нет
меж славян
нежней человека:
дует пивечко
из добрых кружечек,
и все в уменьшительном:
«пивечко»...
«млечко»...
Будьте ласков,
пан Прохаско...
пан Ваничек...
пан Ружичек...
Отчего же
господин Крамарж
от славян
Москвы
впадает в раж?
Дело деликатнейшее,
понимаете ли вы,
как же на славян
не злиться ему?
У него
славяне из Москвы
дачу
пооттяпали в Крыму.
Пан Крамарж,
на вашей даче,
в санатории,
лечатся теперь
и Ванечки
и Вани,
которые
пролетарии, конечно...
разные,
и в том числе славяне.

В. Маяковский, 1927

Язык и политика:

Интересные сюжеты прошлого и современности

Сюжет второй

Советская риторика ритуала

Теперь, когда Дмитрию Медведеву, похоже, окончательно отведена роль небольшого политического деятеля эпохи Владимира Путина, многим стало ясно: надежды были иллюзией, а реальностью был застой. Именно застой — ключевое слово короткого, но памятного промежутка времени между сентябрьским «отречением» Медведева и декабрьской волной протестов. Оглядываясь назад, общество осознает: обещания не были выполнены, и реформы были подменены словами. Четырехлетнее президентство Дмитрия Медведева — период нарастающего непонимания того, куда движется страна, и усугубляющегося отчуждения общества от власти. Эмиграция из России становится одной из самых модных тем для разговора в обществе. По уровню коррупции Россия сравнялась с Таджикистаном и Кот д'Ивуаром, опустившись еще на несколько позиций, а по показателям свободы прессы оставалась в одном ряду с Гамбией и Эфиопией. Ни одной серьезной реформы проведено не было — составители бюджета по-прежнему ориентировались на высокие доходы от нефти. Политика, контролируемая администрацией президента, окончательно оскудела и уже мало кого всерьез интересовала.

Такая ситуация могла о многом напомнить тем, кто застал эпоху Леонида Брежнева. Идея о «брежневизации» российской власти неслучайно стала особенно популярной в начале 2010-х годов.

Дмитрий Медведев был призван символизировать «стабилизацию» новой России. Брежневская эпоха тоже ассоциируется со «стабильностью» — иными словами, с тем самым застоём. Медведев, как и Брежнев, воспринимался современниками как более мягкий руководитель, чем его авторитарный предшественник. Брежнев хоть и прекратил хрущевскую оттепель, но, по крайней мере, не расстреливал инакомыслящих, а отправлял их в психиатрические клиники; Медведев хоть и не выпускает неправосудно осужденных, но декларирует, что «свобода лучше несвободы».

Курс на стабильность отразился и на имидже лидеров, их пассивности и отсутствии харизмы. Предметом насмешек над Брежневым стала его физическая немощь, а в случае с Медведевым — немощь политическая.

Помимо этого, Брежнев памятен также весьма специфическим, официозным стилем речи, закрепившимся в позднесоветском дискурсе. Каковы характерные особенности этого стиля и повлиял ли он на Медведева и позднего Путина?

В прошлой статье мы писали о тесной связи всей советской риторики с торжественным красноречием — от воспевания царей, богов и героев вожди перешли к восхвалению советского строя в различных его ипостасях. В тоталитарном обществе складывается тоталитарный дискурс — тип мышления, выраженный в речи. Как отмечают исследователи Н. Б. Вахтин и Е. В. Головкин, речевая сфера тоталитарного дискурса ритуализирована, то есть полностью предсказуема. В ней есть готовые штампы на все случаи жизни, часто лозунговые: «Да здравствует мир во всем мире!» (Л. И. Брежнев). Неслучайно французские исследователи называли советский дискурс «деревянным языком» — *langue de bois*¹. Живем мы хорошо, сами себя все время хвалим, правда, имеются еще пока и «отдельные недостатки»: как пелось в одной советской песне, «кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет». Все речевые действия предписаны: «Ритуализированным становится весь дискурс средств массовой информации, все тексты речей, докладов и выступлений, независимо от того, где происходит дело — на профсоюзном, партийном собрании или

собрании жилищной конторы, на заводе, в школе или в университете. „Застывают“ и ритуализуются все речевые практики, вся языковая сфера вплоть до художественной литературы и кинофильмов»². Ритуальность всех публичных выступлений блестяще спародировал Александр Галич: персонаж одной из его песен, рабочий Клим Коломыйцев, выступает на митинге в защиту мира и по ошибке произносит текст, написанный для женщины, а аудитория этого даже не замечает:

Израильская, — говорю, — военщина

Известна всему свету!

Как мать, — говорю, — и как женщина

Требую их к ответу!

Итак, все предсказуемо, роли расписаны и вызубрены, критика системы недопустима, свобода высказывания — тоже. Кто

не с нами, тот против нас. Потому сохраняется и «образ врага», присущий сталинской риторике: весь мир поделен на две части — «мы» и «они». Такая черно-белая картина мира напоминает манихейство — религиозное течение, представлявшее жизнь как постоянное противоборство двух равных сил, тьмы и света. Как полагал Джон Янг, лексика советского политического дискурса как раз и отражает манихейскую систему ценностей³. На примере выступления Л. И. Брежнева на VI съезде Польской объединенной рабочей партии в 1971 году можно видеть основные языковые особенности тоталитарного дискурса:

Штампы: *пожелания успеха в вашей большой и ответственной работе, с чувством большого удовлетворения;*

Постоянные эпитеты, тоже ставшие штампами: *братская Польша, агрессивные империалистические круги, верный сын рабочего класса;*

Номинализация, то есть обилие отлагольных и отвлеченных существительных — черта книжного стиля: *растущее признание необходимости вступления ГДР и ФРГ в ООН; ускорение роста производительности труда;*

Так называемый «Манихейский словарь»:

Положительная оценка (+): *всемирное братство народов, легендарный рыцарь революции Феликс Дзержинский, миролюбивая политика наших стран, мужественные патриоты Вьетнама, братский, свобода;*

Отрицательная оценка (-): *империалистическая агрессия, пыл агрессоров, глубоко враждебные делу мира силы, буржуазная пропаганда, оклеветать, международный разбой, реакционный, милитаристский, реваншистский, корыстный, рознь, вражда;*

Эвфемизмы применительно к недостаткам системы: *проблемы, имевшие место отрицательные явления, отдельные упущения;*

Отсутствие местоимения «я» — эта особенность придает речи официальный, безличный характер и снимает всякую ответственность с говорящего.

Любопытна также роль такого важного приема, как метафора. Как отметили многие исследователи, метафора — скрытое сравнение — это не просто украшение речи, но способ познания и понимания и даже моделирования действительности⁴. В речи Брежнева метафора становится частью приложения, что

тоже характерно для советского дискурса: легендарному рыцарю революции Феликсу Дзержинскому.

Кроме того, метафора позволяет отделить «своих» от «чужих» с помощью положительной и отрицательной оценки: *Можно сказать, что коммунисты обеих стран жаром своих сердец, своих революционных убеждений заставили пламя нашей дружбы вспыхнуть небывало ярким светом: Боевое братство Советской Армии, Войска Польского, вооруженных сил других стран — участниц Варшавского Договора — это и сегодня один из важнейших факторов, охлаждающих пыл агрессоров, один из факторов, способствующих сохранению мира.*

Традиционна для политического дискурса метафора строительства: *фундамент будущего, социалистическое строительство, строить коммунизм.*

Большое количество «военных» метафор наглядно свидетельствует о продолжении холодной войны: *идя в едином боевом строю с братскими странами социализма; к полной победе социализма на всех фронтах.*

Что касается идеологической составляющей риторической программы Брежнева, то на первый план выходит такой прием, как догматическая дедукция (вместо доказательств идут догматы, которые надо принимать на веру, прямо как в гомилетике; классический пример: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно»). Основной тезис Брежнева: СССР спасает мир от войны, показывая ему единственно верный путь социалистического развития. Догматическая дедукция зачастую соседствует с высказываниями общего характера — происходит так называемая коллективная порука (*всем известно, что; вся мировая общественность поддерживает и т. д.*). Такие суждения получаются демагогическими, бездоказательными. Пример:

Исторический опыт свидетельствует, что в большом деле социалистического строительства не исключены и отдельные упущения, и ошибки, иногда даже серьезные. Но важно то, что они проистекают вовсе не из характера социализма как общественного строя, не из его целей и основных принципов, а наоборот — проявляются в тех случаях, когда допущен в чем-то отход от этих принципов, какое-то нарушение их. Поэтому способность самокритично оценивать собственную деятельность и сделать необходимые практические выводы — это тоже одна из важных форм борьбы коммунистов за социализм, за коммунизм, это стиль работы, завещанный нам В. И. Лени-

ным! (Продолжительные аплодисменты).

Конечно, риторика Дмитрия Медведева, признанная легитимизировать политику новой России — это совсем другая «повестка дня». Можно в качестве примера рассмотреть выступление Медведева на Петербургском экономическом форуме в июне 2011 года. Медведев позиционирует себя как молодой, современный, демократичный лидер открытой страны, и для него нет деления мира на своих и чужих — все могут оказаться стратегическими партнерами и коллегами. Акцент делается на передовых проектах, инновациях и модернизации, на развитии и эффективности. Автор не чужд и самокритики, очень образно говорит

о том, как коррупция «душит» Россию. Повествование ведется от первого лица, лидер берет на себя ответственность и вступает в диалог с аудиторией:

Он, этот проект, должен быть реализован независимо от того, кто и какие должности займет в нашей стране в ближайшие несколько лет. За это отвечаю я лично как президент государства — и мои коллеги, с которыми мы реализуем программу модернизации.

В повествовании Медведева есть конкретика, цифры, факты, логические перечисления по пунктам. Казалось бы, к чему здесь параллель с символом застоя — Брежневым?

Как ни странно, есть и нечто общее между этими двумя риторическими стратегиями — вероятно, потому, что обоим лидерам важно «закрепить успехи», продемонстрировать преемствен-

ность, легитимность власти и верность избранной предшественниками стратегии.

Конечно, сложно сравнивать речь генсека, обращенную к коммунистам Польши в 1971 году, и выступления лидера России образца 2011 года. Тем не менее, можно заметить, что оба оратора стремятся, в полном соответствии с торжественным, гомилетическим красноречием, восславить свои поступки. Так, оба лидера делают акцент на самопрезентации, восхваляя избранный государством курс:

Брежнев: Здесь, в Варшаве, 16 лет назад был создан оборонительный союз социалистических стран. Мы пошли на этот шаг с единственной целью — не дать вспыхнуть новой войне. Это была ответная мера на агрессивные приготовления НАТО, на попытки разговаривать с нами языком силы. И все эти годы организация Варшавского Договора надежно служила интересам братских стран, помогая поворачивать ход событий в более благоприятное для народов русло. Боевое братство Советской Армии, Войска Польского, вооруженных сил других стран — участниц Варшавского Договора — это и сегодня один из важнейших факторов, охлаждающих пыл агрессоров, один из факторов, способствующих сохранению мира.

Медведев: Мы действительно доказали — в том числе и тем, кто спонсировал нынешний правящий режим в Грузии, — что в состоянии защитить своих граждан. Что мы в состоянии на деле отстаивать и наши национальные интересы, и эффективно выполнять миротворческие обязательства. Наши вооруженные силы в значительной мере восстановили свой боевой потенциал...

Добавлю: от того, с чем нам приходится сталкиваться в последние годы — а что это? Это конструирование глобальной системы ПРО, окружение России военными базами, безудержное расширение НАТО и другие «подарки» России, — складывается устойчивое впечатление, что нас просто испытывают на прочность.

В гонку вооружений мы, конечно, втянуть себя не дадим. Но не учитывать этого в оборонном строительстве не можем. И безопасность граждан России будет и впредь обеспечиваться надежно... Для эффективного противодействия упорно, постоянно навязываемой нынешней администрацией США новым элементам глобальной системы ПРО в Европе... в Калининградской области будет развернут ракетный комплекс «Искандер»... И, наконец, с территории того же самого западного региона, то есть Калининградской области, будет осуществляться радиоэлектронное подавление новых объектов системы ПРО Соединенных Штатов Америки.

В этих отрывках просматривается еще и преемственность речевой сферы российской внешней политики, зародившейся в таком виде задолго до Брежнева. Сталин, например, не упускал случая указать «видных деятелей иностранной печати» за критику советского режима, а Хрущев пошел еще дальше, пообещав «похоронить» США. Риторика времен холодной войны осталась и после ее окончания.

В 1999 году Борис Ельцин возмутился тем, что американский президент Билл Клинтон «позволил себе надавить на Россию», и напомнил, что Россия «владеет полным арсеналом ядерного оружия». В 2007 году Владимир Путин в своей знаменитой мюнхенской речи заявил, что «ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран», а процесс расширения НАТО «не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе — наоборот, это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия». Приведенный пассаж из обращения Медведева к Федеральному собранию, таким образом, полностью вписывается в традиционное представление Кремля о противостоянии Запада России.

Связь времен Брежнева и Медведева заметна и в речах, нацеленных на соотечественников. Брежнев подчеркивает, что народ согласен с политической партией:

Чтобы строить социализм и коммунизм, нам нужен мир. Мир нужен всем народам. Они не хотят повторения трагедии мировой войны, которая принесла им неисчислимые жертвы и страдания. Люди не хотят погибать, не хотят, чтобы превращались в руины города, горели деревни и села. Поэтому полтика мира, которую проводят СССР и Польша, все братские страны социализма, — это подлинно народная политика. (Продолжительные аплодисменты). Мы стоим за мир, за то, чтобы грядущие поколения больше не знали ужасов войны. Весь свой

международный вес, все наше могущество мы обращаем на достижение этой благородной цели.

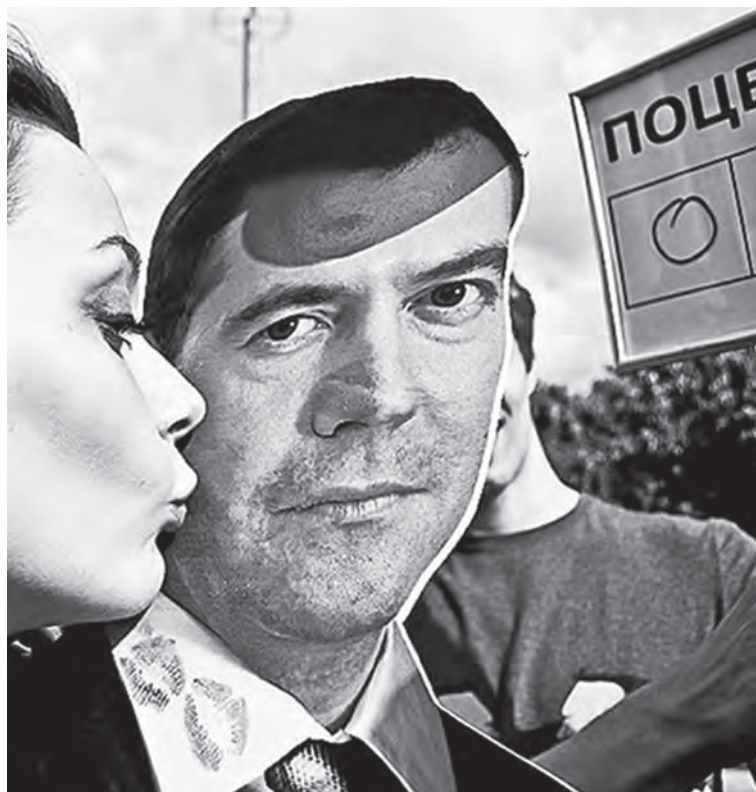
Медведев тоже говорит о взаимосвязи между обществом и государством:

Я буду говорить о проекте развития страны, который должен стать реальностью благодаря совместным усилиям всего российского общества. Вообще, другие проекты никогда и не могут воплотиться в жизнь, если они не становятся нужны всему обществу. Он, этот проект, должен быть реализован независимо от того, кто и какие должности займет в нашей стране в ближайшие несколько лет. За это отвечаю я лично как президент государства — и мои коллеги, с которыми мы реализуем программу модернизации.

Оба лидера хвалят принятый государством план развития. Кроме того, оба лидера говорят о сложностях, возникающих на нашем пути, и о необходимости их преодоления именно в рамках избранной системы. При этом оба используют догматическую дедуцию.

Брежнев дидактичен:

Мы, коммунисты, в ответе за судьбы своей страны, за правильный ход социалистического развития, за условия жизни народа, за социалистическое воспитание людей, особенно молодежи, за безопасность родины. Своевременно понять объективные потребности общества на данном этапе, вовремя найти наилучшее решение назревших проблем, способ преодоления возникающих трудностей, пути и формы наиболее быстрого движения вперед — все эти задачи ложатся на правящие коммунистические партии.

Задачи эти, понятно, нелегкие, как нелегким и даже крайне сложным является само дело построения принципиально нового общества. И решить их можно только на основе великого марксистско-ленинского учения, исходя из проверенных жизнью закономерностей социализма, творчески применяя и развивая революционную теорию в условиях своей страны, опираясь на поддержку всех трудящихся, идя в едином боевом строю с братскими странами социализма.

Медведев более демократичен и реалистичен. Он пытается предложить конкретные меры по борьбе с коррупцией, но путается в юридических формулировках. Из-за этого пассаж звучит суховато и не очень понятно. Складывается ощущение, что выступает не политик, а чиновник, — это симптоматично для Медведева-президента:

Слова о том, что коррупция душит Россию, звучат постоянно; ответ очевиден и должен быть, как говорится, симметричным: удавка на шею коррупционеров должна сжиматься постоянно и неумолимо. В этом солидарно все российское общество без исключения. Но коррупционные нарушения очень трудно выявлять, существующий порядок уголовного преследования коррупционеров весьма сложен и медлителен, его следует сохранить хотя бы для того, чтобы четкие гарантии были на случай необоснованных обвинений, которых, к сожалению, тоже происходит немало.

В то же время государственные органы нужно очищать от коррупционеров быстрее и решительнее, для этого следует расширить основания для увольнения с госслужбы лиц, подозреваемых в коррупции. В частности, основанием для увольнения могут служить данные, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, даже если они оформлены таким образом, что не могут быть использованы для уголовного преследования. Это, по сути, увольнение в связи с утратой доверия как основанием прекращения служебных отношений. При этом, разумеется, необходимо сохранить судебный порядок обжалования таких увольнений.

Кроме того, Медведев, как и Брежнев, сбивается на общие слова и патетику:

Я далек от иллюзий, что вся российская экономика может стать другой за несколько лет, но за относительно короткое время мы обязаны пройти точку невозврата к тем моделям, которые ведут нашу страну в обратном направлении. И все, что мы планировали, мы обязательно сделаем, сделаем шаг за шагом, последовательно, но безусловно. А коррупция, закрытость для инвестиций, избыточная роль государства в экономике и сверхцентрализация — это те «налоги на будущее», которые мы должны отменить, и мы их отменим. Все остальное наши граждане сделают сами, делают для себя, а значит, делают для нашей страны, для России, создадут свой успех, а значит, успех всего нашего государства.

Наконец, несмотря на все различия в эпохе, политике и имидже, есть у ораторов и общие стилистические черты — оба лиде-

ра увлекаются официально-деловыми штампами с обилием форм страдательного залога, причастных конструкций и отглагольных существительных, причем у Брежнева крен в идеологию, а у Медведева — в терминологию:

Брежнев: дело построения нового общества; подчеркнуть значение активной деятельности Польской объединенной рабочей партии, направленной на укрепление социалистического сотрудничества, на развитие всестороннего сотрудничества социалистических государств.

Медведев:

Считаю возможным подумать и о введении полной имущественной ответственности государственных должностных лиц перед казной, которая до того возместила убытки частного лица, вызванные незаконными действиями или бездействием таких чиновников.

Подготовлен проект федерального закона, устанавливающего особый порядок рассмотрения обращений, содержащих обвинения в коррупции. Практически закончена замена чиновников высокого уровня на независимых директоров в ключевых государственных компаниях. Во всех контролируемых государством акционерных обществах данный процесс будет завершен осенью этого года.

Дмитрию Медведеву, кроме того, свойственны модальные конструкции: *предприятия должны выполнять свои обязанности качественно; работа по обновлению всей жизни нашего общества должна стать главной задачей; процентные ставки должны быть снижены; выборы должны быть честными.* Вопрос о том, связана ли модальность речевых конструкций Медведева с эффективностью исполнения его поручений, оставим на суд читателей.

В заключение можно отметить, что в риторике Брежнева преобладает официально-деловой стиль с пропагандистским уклоном, а риторика Медведева по большей части состоит из юридических и экономических терминов. Неудивительно, что обе стратегии быстро становятся скучны и непонятны, а вскоре вызывают и отторжение. Видя несоответствие патетичных, торжественных или специальных книжных слов окружающей реальности,

люди начинают сопротивляться, и сопротивление идет именно через язык: противостоять официозу может сленговое выражение, шутка, анекдот, мгновенно лишаящий вождя и его речи излишнего пафоса. О стратегиях языкового сопротивления поговорим в следующих статьях.

Анна Плисецкая, Кирилл Филимонов
Продолжение следует

¹ Цит. по Н. Б. Вахтин, Е. Н. Головки. Социолнгвистика и социология языка. СПб: Изд. Центр «Гуманитарная академия», 2004 г. С. 205.

² Там же, сс. 206—207.

³ Там же, с. 219.

⁴ G. Lakoff, M. Johnson. Metaphors we live by. Chicago—London 1980.

Греческое наследие

В любом современном языке, на котором говорят народы Европы, мы обнаружим большое количество корней и слов, пришедших из Древней Греции.

Не является исключением и русский язык.

Многие греческие слова попали к нам через старославянский язык. Большинство из них имеет религиозный характер, так как старославянский язык специально создавался с целью перевода литургических текстов и некоторых частей Библии с греческого языка. Среди них — *ад, амвон, анафема, ангел, архиерей, геленна, дьякон, евангелие, епархия, ересь, икона, клирос, лепта, монастырь, монах, панагия, панихида, пономарь* и другие. Через старославянский язык пришло к нам и много калек (калька — разновидность заимствований, слово, созданное по образцу иноязычного слова из исконных языковых средств) с греческого — сложные слова с *благо-, добро-, досто-, сует-* (*благоденствие, благолепие, благовоние, добронравие, достопочтенный, суетверие*), также *возмездие, лицемер, малOVER, мало-душие, наперсник, насущный, предтеча*. В древнерусский период путем устного общения из греческого языка пришли такие слова, как *канун, каторга (вид корабля), кровать, ладан, лазурь, лампада, лимон, лохань, магнит, палата, оладья, парус, свекла, скамья, тетрадь, терем, уксус, фонарь* и некоторые другие.

Но большинство греческих слов попало в русский язык через европейские языки-посредники в XVII—XIX веках, когда древнегреческий был уже мертвым языком. Греческого происхождения корни *био* (*жизнь*), *ге* (*земля*), *гели* (*солнце*), *лог* (*знание*), *метр* (*мера*), *терм* (*тепло*), *фон* (*звук*), *фот* (*свет*) и многие другие, большая часть из них является международными. Зная значение отдельных греческих корней, можно «расшифровывать» многие слова.

Греческий корень *phono* обозначает *звук*. С этим корнем связаны слова *фонетика* (раздел языкознания, изучающий способы образования звуков речи и их акустические характеристики), *фонология* (*phono + logos, слово, учение* — раздел языкознания, изучающий структурные

и функциональные закономерности звукового строя языка), *граммофон* (*грамма, черта, запись + phono* — аппарат для воспроизведения звука с граммофонной пластинки), *патефон* (название французской фирмы «Пате», выпускавшей патефоны + *phono*), *симфония* (*sin, вместе с + phono* — созвучие, большое музыкальное произведение для оркестра), *монофония* (*monos, единый, единственный + phono* — одnogолосие), *полифония* (*poly, много + phono* — многоголосие), *афония* (*a, ap, без, не + phono* — отсутствие звука), *какофония* (*kakos, плохой + phono* — сумбурное сочетание звуков в музыке, стихах), *телефон* (*tele, далеко + phono* — электроакустический прибор для преобразования электрических колебаний в звуковые).

Уже упомянутый корень *logos* (*слово, учение, понятие*) является составной частью названия многих наук и их разделов: *логика* (наука о законах и формах мышления), *биология* (*bios, жизнь + logos* — совокупность наук о живой природе), *зоология* (*zoon, жизнь + logos* — наука о животных), *ихтиология* (*ichtys, рыба + logos* — раздел зоологии, изучающий рыб и круглоротых), *психология* (*psycho, душа + logos* — наука о закономерностях, механизме и фактах психической жизни человека и животных), *археология* (*archaios, древний + logos* — историческая дисциплина, изучающая прошлое человечества), *антропология* (*antropos, человек + logos* — наука о биологической природе человека), *филология* (*philos, любящий + logos* — буквально: «любящий слово», совокупность наук, изучающих духовную культуру народа, выраженную в слове, языке и литературном творчестве), *этимология* (*etymos, истинный + logos* — раздел лингвистики, изучающий происхождение слов), а также слова *генеалогия* (*genos, род + logos* — родословная), *эпиграф* (*epi, после + logos* — послесловие, заключительная часть чего-либо), *каталог* (*kata, завершенность, сверху*

вниз + logos — составленный в определенном порядке перечень каких-либо однородных предметов).

Близким к корню *logos* является корень *potos, закон, правило*. К этому корню восходят слова *астрономия* (*astron, звезда + potos* — наука о космических телах, образующих ими системах и о Вселенной в целом), *экономика* (*eikos, дом + potos* — буквально: «правила ведения хозяйства»), *автономия* (*autos, сам + potos* — самоуправление).

Корень *grapho, пишу* также весьма продуктивен: *графа, графика* (вид изобразительного искусства, использующий в качестве основных изобразительных средств линии, штрихи, пятна и точки), *графоман* (*grapho + mania, безумие, влечение* — патологическое стремление к сочинению произведений, претендующих на публикацию в литературных изданиях, псевдонаучных трактатов и т. п.), *граффити* (изображения, рисунки или надписи, выцарапанные, написанные или нарисованные краской или чернилами на стенах и других поверхностях), *география* (*ge, Земля + grapho* — комплекс наук, изучающих поверхность Земли с ее природными условиями, распределение на ней населения, экономических ресурсов), *эпиграф* (*epigrapho, надпись, цитата, помещаемая во главе сочинения или его части*), *телеграф* (*tele + grapho* — средство передачи сигнала по проводам или другим каналам электросвязи), *автограф* (*autos + grapho* — собственноручная, обычно памятная надпись, подпись, а также собственноручный авторский рукописный текст).

Корень *gramma* (*grammatos*) переводится как *черта, буква*, обнаруживается он в словах: *грамматика* (формальный строй языка), *телеграмма* (*tele + gramma*), *эпиграмма* (*epi + gramma* — небольшое сатирическое стихотворение), *орфограмма* (*orphos, правильный + gramma* — написание в слове, где может находиться ошибка).

К корням *philia, любовь, philes, люблю, philos, любящий* восходят слова *филоло-*

гия, философия, филателия (phileo + telos, сбор, пошлина — коллекционирование почтовых и иных марок, почтовых знаков), филантроп (philes + antropos — человек, занимающийся благотворительностью в помощь нуждающимся).

Корень pathos, страсть, страдание, чувство имеет отношение к словам симпатия (sin, вместе + pathos — влечение, внутреннее расположение к кому/чему-нибудь), антипатия (anti, против + pathos — чувство неприязни, нерасположения или отвращения), эмпатия (em, в + pathos — осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека), телепатия (tele + pathos — способность мозга передавать мысли, образы, чувства и неосознаваемое состояние другому мозгу или организму), а также пафос, патетика.

Корень antropos, человек помогает понять значение слов мизантроп (misos, ненависть + antropos — неприятие, ненависть к человечеству), питекантроп (pithekos, обезьяна + antropos — ископаемый подвид людей), антропоним (antropos + опота, имя — единичное имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека).

Греческое слово biblion, книга в свою очередь восходит к слову biblos, кора папируса, по названию сирийского порта Библ, откуда в древности греки ввозили папирус. В русском языке с этим корнем связаны слова Библия, библиотека (biblion + theke, место хранения — учреждение, собирающее и хранящее произведения печати и письменности для общественно-пользования), библиография (bibloin + grapho — научное описание и систематизация произведений печати и письменности, их выявление и отбор).

Корень опота встречается в ряде лингвистических терминов: ономастика (раздел языкознания, изучающий собственные имена), антонимы (anti + опота — слова, имеющие противоположные лексические значения), синонимы (sin + опота — слова, имеющие одинаковое или очень близкое лексическое значение), омонимы (omos, одинаковый + опота — разные по значению, но одинаковые по написанию единицы языка), а также псевдоним (pseudos, ложный + опота — имя, используемое человеком в той или иной публичной деятельности вместо настоящего), аноним (a, an, без + опота — автор, скрывший свое имя). Греческие корни имеют и другие термины языкознания: морфология, орфография, синтаксис, лексикология, полиглот.

Корень dromos, дорога, бег, путь встречается в словах аэродром (aeros, воздух + dromos — комплекс сооружений и технических средств, предназначенный для взлета, посадки, стоянки и обслуживания самолетов, вертолетов и планеров), ипподром (hippos, лошадь + dromos — специально оборудованный участок для конных скачек и бегов, а также относя-

щийся к нему комплекс специальных сооружений), космодром (kosmos, порядок, устроенность, украшение + dromos — территория, на которой размещается комплекс сооружений, предназначенный для запуска космических аппаратов в космос), палиндром (palin, назад, снова + dromos — число, слово или текст, одинаково читающееся в обоих направлениях).

С политической и общественной жизнью связаны корни polis, государство, kratos, власть, demos, народ, meter, мать, отсюда слова политика, политология, полиция, метрополия, митрополит, монополия, демократия, демография, охлократия (ochlos, толпа), аристократия (aristeus, знатнейший, благороднейшего происхождения), бюрократия (фр. Bureau, бюро, канцелярия).

Если посмотреть на человека, то мы обнаружим у него: ous, ухо (в род. п. ot-); tis, нос (в род. п. rino-); larius, горло (в род. п. laring-); cheir, рука; gastor, желудок, kardia, сердце, ophthalmos, глаз; stomatos, рот; odous, зуб (в род. п. odontos); ouron, моча — с чем и связаны разделы медицины и названия болезней: отоларинголог, отит, ринит, ларингит, гастроэнтерология, гастрит, урология, кардиология, офтальмология, стоматология, пародонтоз, а также хиромантия (manteia, гадание, пророчество).

Многие процессы, механизмы и приборы, открытые и изобретенные человеком, также получили названия, состоящие из греческих корней: кинематограф (kinema, род. п. kinematos, движение + grapho), телескоп (tele + skopeo, смотрю), микроскоп (mikros, маленький + skopeo), стетоскоп (stethos, грудь + skopeo), калейдоскоп (kalos, красивый + eidos, вид + skopeo), фотография (phos/photos, свет + grapho), фотосинтез (photos + sinthesi, совмещение), телевидение, термометр (thermo, тепло; metreo, измеряю), термос.

Из греческого языка пришли многие христианские имена: Александр, Анастасия, Алексей, Анатолий, Андрей, Аркадий, Варвара, Василий, Галина, Денис, Дмитрий, Елена, Ирина, Лидия, Никита, Николай, Петр, Софья, Федор, Филипп и другие.

Греческое словесное наследие очень разнообразно и многочисленно. В последнем абзаце приведу еще ряд слов без пояснения первоначального значения их греческих корней. Возможно, вам будет интересно самим обнаружить что-то новое в этимологическом словаре: агиография, аорта, атеизм, анархия, анафема, анафора, амфибия, архипелаг, акробат, агония, гипотеза, гипертония, дисгармония, парадокс, пародия, синхрония, симметрия, аллергия, архетип, прогност, диагноз, драма, эвфемизм, эйфория, косметика, неологизм, метод, период, ортопед, панорама, пантеон, энциклопедия, полисемия, утопия, фантастика, физиономия, анахронизм.

Альбина Полова

Марина Цветаева. Париж, 1925 г.
(фото П. Шумова).

Цветаева перед началом переписки с Рильке

*

Что же привлекало Рильке в образах Валленштейна, Густава Адольфа и Тилли (и здесь же можно спросить: что — через 20 лет — привлекло Цветаеву в образах Наполеона, Герцога Рейхштадтского и Казановы?). Чтобы ответить на эти вопросы, надо, прежде всего, попытаться ближе увидеть перечисленных выше «исторических персонажей», — ведь все они были живыми людьми, испытавшими реальную жизнь и реальную смерть. И только когда мы встанем рядом с ними и попытаемся почувствовать эту их жизнь и смерть, мы, может быть, сумеем понять, почему их выбрали своими героями два европейских поэта XX века.

«История Тридцатилетней войны» явилась первым прозаическим опытом Рильке и первым опытом его прозаического творчества в Праге, которая была не только местом работы над текстом, но, вместе с остальной Богемией, и местом действия описываемых событий. В эту прозу, состоящую из отдельных фрагментов, Рильке вплетал элегические стихи (позже этот стиль был успешно использован в «Песне о Корнете»). Собирая материал и записывать первые эпизоды Рильке начал уже в пражской школе ордена пиаристов (на углу улиц Панска и На Пршикопе), где он учился в 1882—1886 годах. Затем он продолжал эту прозу не только в обоих своих военных училищах (в Санкт-Пёльтене и в Мёриш-Вайскирхене / Границе-на-Мораве), но и во время летней паузы 1891 года, когда он находился на распутье, уже уйдя из военного училища и еще не поступив в коммерческое. Все лето этого года Рильке провел на пражском Смихове (как уже отмечалось, живя в вилле «Эксцельсиор» на ул. Шведска, д. 4 [этот факт подтверждает и Леррманн, 36]). Оттуда он писал матери, что чувствует себя «литератором душой и телом» и в настоящее время работает над вторым то-

мом (!) «Истории Тридцатилетней войны» [Prater, 24]. И даже еще в коммерческом училище в Линце (где Рильке выдержал с сентября 1891 по май 1892) он сообщал своим одноклассникам, что работает над широкой панорамой истории Тридцатилетней войны [Demetz, 27]. Потом уже, после возвращения из Линца в Прагу в мае 1892 года, работа над этим текстом больше не упоминается. Значит, можно считать, что Рильке занимался данной темой в общем около 10 лет (!). И вот это и была одна из тех «почв», из которой выросло его творчество (и первая настоящая и уже замечательная проза, — «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке»).

Это была «почва» мужества и самообладания, на которой можно и должно было стоять, сопротивляясь деструкции и хаосу внешнего мира. «Почва» не этническая, не национальная, тем более не славянская (или германская), а чисто экзистенциальная. Именно в исследованиях катастрофы Тридцатилетней войны зародились те построения Рильке, которые он позже глубоко и афористично выразил в заключительных словах «Реквиема по графу Вольфу фон Калькрёйту» (4—5 ноября 1908 года): «Wer

spricht von Siegen? Überstehn ist alles» («Кто говорит о победах? Выстоять — это всё»).

Углубленное занятие историей одной из самых страшных европейских войн, в которой речь шла о существовании универсальной монархии Габсбургов, было не пустым юношеским увлечением, — Рильке собирался и в реальной жизни служить «императорской Вене» в рядах ее вооруженных сил. Уже поступив в сентябре 1891 года в коммерческое училище в Линце, он писал отцу матери: «Я снял мундир императорской армии только для того, чтобы как можно скорее одеть его вновь и навсегда. И будь уверена, что я оправдаю эту честь» [Prater, 24]. А 25 сентября 1891 года, поздравляя отца с днем рождения, Рильке писал из Линца, что будет усердно трудиться, чтобы «сдержать слово» [Prater, 24], данное отцу, — т. е. обещание стать достойным офицером армии австрийского императора.

Тридцатилетняя война, за описание которой взялся Рильке, была первой все-европейской войной, по своим катастрофическим и геополитическим результатам, — для того времени, — по сути дела, войной мировой. «Официально» война

Ужасы войны. Повешенные. Жак Карло 1633 г.

длилась с 23 мая 1618 года (день дефестрации наместников австрийского императора взбунтовавшимися чешскими дворянами) до 24 октября 1648-го (день подписания так называемого Вестфальского мира в городах Вестфалии Мюнстере и Оснабрюке). Но «неофициально» эта общеевропейская война началась еще в конце XVI века в Нидерландах между испанцами и голландцами и закончилась в самом конце ноября 1648 года подписанием перемирия между шведами и чехами на пражском Каменном мосту через Влтаву (который только где-то около 1870 года стал называться «Карловым»)¹.

Тридцатилетняя война была чрезвычайной жестокой. По самым пессимистическим оценкам, в ней погибло более двух миллионов солдат и более шести миллионов гражданских лиц, население Чехии сократилось с двух миллионов до 700 тысяч человек, а население Германии с 17 миллионов до 10 миллионов человек. Название же народа, которой вырезал почти половину населения Центральной Европы, осталось в истории немецких колыбельных песен: «Bet, Kindchen, bet, morgen kommt der Schwed» («Молись, дитя, — чуть свет сюда прискачет швед»).

Война эта, как и все последующие европейские войны, велась между двумя, казалось бы, взаимоисключающими, а на самом деле — взаимодополняющими геополитическими принципами, между двумя идеями о том, как «обустроить» Европу, — идеей универсальной всевропейской империи и идеей равновесия и баланса сил национальных государств. Духовным пространством традиционного универсализма служила в ту эпоху «вселенская» религия — католицизм, тогда как «национальные» силы предпочитали духовный простор широко разветвленного в конфессиях протестантизма (на основании которого, впрочем, они собирались построить свой, альтернативный католическому, обновленный универсум). Протестантизм избавлял эти стремящиеся к самосознанию национальные силы от гегемонии, притязаний и амбиций Папы Римского и от диктата наднациональной клерикально-политической иерархии, светское воплощение которой виделось в династии Габсбургов, постепенно присвоивших себе чуть ли не всю обозримую в ту эпоху ойкумену.

Кто здесь был прав, кто нет, спрашивать бессмысленно. Правы были все. Потому что если универсализм как цель человечества есть океан, то национальные культуры суть реки, в этот океан впадающие. Вода океана и состоит из воды этих рек. Если реки иссохнут, высохнет и океан. Но если бы не было океана, рекам бы не было куда впадать, куда и зачем течь. Все дело в умении договариваться, в умении компромисса и консенсуса, — этих главных показателей зрелости Цивилизации. Другое дело, что человечество учится этому умению чрезвычайно медленно и очень постепенно, ценой

«Пражская дефестрация»

огромных кровавых жертв, ценой невосполнимых потерь и трагических утрат. Но, видимо, другого пути нам не дано.

Во всяком случае, первый серьезный договор о равновесии сил в Европе, послуживший основой для всей последующей европейской политики Нового Времени, был заключен именно в 1648 году, после ужасного опыта Тридцатилетней войны, и юридически действовал, худо-бедно, до 1914 года, до начала Первой мировой войны, на опыте которой людям снова пришлось учиться истории и чуть ли не заново осознавать, как им жить дальше. Участником этой, первой мировой войны нашего времени, был уже и сам Райнер Рильке, как на другой стороне фронта был ее участником Сергей Эфрон.

Между тем, Рильке очень четко уловил исторически пограничный характер такого явления как Тридцатилетняя война, поскольку наиболее масштабные, наиболее глобальные трагедии происходят именно в процессе и сфере противостояния универсальных и частных идей (или, возможно, гораздо чаще, увы, псевдоуниверсальных и гипертрофированно частных).

Здесь надо отметить, что универсализм подлинного поэта, и универсализм не только культурный, но и метафизический, созвучен историософскому универсализму как магистральному направлению развития истории человечества в целом, т. е. как человечества не конкретно племенного, но общепланетарного. Этот историософско-метафизический универсализм поднимается над узко-этническим, узко-национальным, узко-«патриотическим»... Именно поэтому, скажем, Цветаева переживает за «врагов» России — Наполеона и Германию, а Рильке пишет историю шведов, пытавшихся завоевать его родную Прагу и покорить Богемию и Австрию. Не этнические подвиги, а всемирные катастро-

фы, — начиная с Гомера и его «Илиады», собственно, первого описания, по сути дела, первой «мировой войны» в истории человечества, — увлекают подлинных поэтов. И даже не именно сами катастрофы, но чувства, мысли и поступки людей, попавших в их беспощадные жернова. Откроем «Илиаду» в любом месте и мы везде увидим подтверждения этому:

*Пусть похоронят его кудреглавые мужи
ахейцы
И на берегу Геллеспонта широкого холм
да насыплют.
Некогда, видя его, кто-нибудь и от поздних
потомков
Скажет, плывя в корабле многовеслом
по черному понту:
— Вот ратоборца могила, умершего
в древние веки:
В бранях его знаменитого свергнул
божественный Гектор! —
Так нерожденные скажут, и слава моя
не погибнет.
(Гомер. Илиада. Песнь седьмая.
Единоборство Гектора и Аякса.
Перевод Н. И. Гнедича).*

Свою интуитивную, подсознательную не-принадлежность к любому этническому Рильке осознал, ощутил очень рано. Это чувство было в нем настолько глубоким, что он не выносил какую бы то ни было «немецкость» и считал себя не немецким (германским) поэтом, но поэтом немецкого языка, а это далеко не одно и то же. Позднее, говоря о себе в третьем лице, Рильке признавался: «В то время он начал чувствовать себя ничьим и всеобщим, как больной, не решающийся выздороветь. Он ничего не любил, он любил — быть. Тупая привязанность овец не тяготила его; как свет, просеянный сквозь облака, она тихо его обволакивала и бледно сияла в лугах. Следуя за ними безвинной тропой их голода,

Фельдмаршал Иоганн фон Тилли

Густав II Адольф, король Швеции

Альбрехт Валленштейн

он молча шел по пажитям мира». (Рильке. Записки Мальте Лауридса Бригге, 1910 г.).

Все это так же остро (а, может быть, и еще острее) чувствовала и Цветаева. Поразительно похожи ее слова на слова Рильке: «Darum wird man Dichter [...], um nicht Franzose, Russe etc. zu sein, um alles zu sein» («Человек становится поэтом [...] не для того, чтобы быть французом, русским и т. д., а для того, чтобы быть всем» [из письма Цветаевой Рильке от 6 июня 1926 г; ср. с рильковским «...он начал чувствовать себя ничим и всеобщим...» 1910-го года]). И как и у Рильке героями мира Цветаевой, героями ее культа (и не только в юности, но вплоть до поздней зрелости) также были герои борьбы универсального с партикулярным, — император Наполеон I и его сын Наполеон II, а в сфере столь же универсального культурного космополитизма — Джакомо Казанова.

Усилия людей, — будь ли это императоры из династии Габсбургов или Наполеон и его сын, пытающиеся создать свою собственную династию, или «метафизический» маг Калиостро, или полностью «наднациональный» Казанова, — усилия подобных людей, которые в перспективе, может быть, не всегда ясной и для них самих, вели к тому, чтобы объединить разорванный мир, — мир ли это политических границ или человеческих чувств, — но объединить собой, своей душой и своим духом, — через силу или через слово (или через силу слова), в общем, как бы то ни было, всегда через глубоко личное действие, — усилия этих людей, всегда в итоге проигрывающих, предаваемых, погибающих и, естественно, сами эти люди, их переживания, их судьбы, — вот темы и вот герои молодых Рильке и Цветаевой.

Теперь мы о самых основных вещах скажем несколько подробнее, отнюдь не отвлекаясь от главной темы, но наоборот, все более углубляясь в нее, ибо самое важное в нашем деле, — понять, почему именно та или иная историческая личность заинтересовала героев нашего повествования (в пер-

вую очередь, Рильке и Цветаеву), и значит понять ход мыслей поэта, понять его способ думать, понять состояние его сознания. К этому пониманию мы можем приблизиться только в том случае, если будем знать, чем наполнился его разум, из которого потом рождались слова стихотворений и, прежде всего, чем наполнилась его душа, копившая и растившая интуиции, способствующие рождению этих слов. Или иначе, мы идем по следу контекстов, в которых пребывало сознание поэта, чтобы проследить, как из их смещения рождается подтекст его творчества.

Самым старшим из героев Рильке был воспитанник монахов иезуитского ордена и фельдмаршал Священной Римской империи Иоганн Церклас граф фон Тилли (1559—1632). Тилли стал солдатом в 15 лет. Замечательный образец для подростка Рене. Сначала Тилли воевал в испанской армии против восставших нидерландских провинций и воевал там долго, а потом, когда ему исполнилось 40, решил защищать католическую веру не только от еретиков, но и от неверных, в 1600 году перешел в австрийскую армию и стал сражаться против турок, уже занявших к тому времени Венгрию. В этих боях он показал себя таким талантливым мастером маневренной пехотной войны, что в 1605 году ученик магов и мистиков император Рудольф II удостоил его звания фельдмаршала. Именно Тилли изобрел во время войны с турками новое построение пехоты — знаменитую *терцию*. Терция представляла собой правильный четырехугольник, ошестинившийся пиками и неуклонно продвигавшийся вперед, уподобляясь своего рода танку XVII века. Такие терции сметали все на своем пути и легкая турецкая пехота была не в силах им противостоять. Терцию можно было одолеть только с помощью огнестрельного оружия и динамичной тактики боя, что потом и сумели сделать шведы. Тилли также внес свой, очень важный вклад в историю социальных модернизаций: он первым предложил отказаться от наемных войск и создавать регулярные народные армии (о национальных еще рано

было в то время говорить), призывая в них взрослое мужское население конкретной страны, дворян — в кавалерию, крестьян и горожан — в пехоту, тогда как резервисты тем временем должны были в массовом порядке проходить военную подготовку. Такая система полностью себя оправдала, и когда началась Тридцатилетняя война и Тилли был назначен командующим всех войск Католической лиги, его армия в течение 12 лет не знала поражений.

Именно эти воинские соединения Тилли, хорошо обученные и дисциплинированные, 8 ноября 1620 года одержали победу над объединенным чешско-немецким протестантским сословным войском в битве на Белой горе. Так Тилли побеждал до тех пор, пока не столкнулся со шведами.

Шведская армия в то время стремительно завоевывала Восточную и Центральную Европу и считалась самой сильной армией мира. Ее основу составляли свободные шведские крестьяне, которым официально разрешалось у себя дома на хуторах и в полях во время работ носить оружие (!), а также финские кавалеристы, которые получили вошедшее в историю войн название «хаккапелиты» (фин. Hakkapeliitat)². Название это происходило от боевого клича, с которым они бросались на врага: «Hakkaa päälle!» («Хаккаа паялле!», буквально: «Бейте по головам!»). Их бешеные атаки европейцы выдержать не могли и называли хаккапелитов «шведскими татарами». Бросок хаккапелитов не раз решал судьбу сражений. Они принесли в Европу такой ужас, что в немецких католических храмах во время Тридцатилетней войны читалась специальная молитва: «A horribile Naccapaelitorum agmine libera nos, Domine» («От ужасных толп хаккапелитов спаси нас, Господи»). Вот эти-то «шведские татары» и нанесли первое поражение войскам Тилли. Это произошло в сентябре 1631 года в битве у Брейтенфельда (недалеко от Лейпцига). Тилли потерял тогда 30 тысяч убитыми, сам был трижды ранен в грудь и в шею и едва не попал в плен. Он отступил в Баварию и пытался там остановить шведов,

но в апреле 1632-го снова потерпел тяжелое поражение, обороняясь на реке Лех, и снова был ранен, на этот раз смертельно, — трехкилограммовое свинцовое ядро из фальконета (пушки малого калибра) попало ему в ногу. В карете его успели увезти с поля боя, затем, очевидно, началась гангрена, спасти фельдмаршала никто не смог, и 30 апреля 1632 года он умер в Ингольштадте, в предсмертном бреду повторяя: «На Регенсбург, на Регенсбург!».

Самым младшим из героев Рильке был король Швеции Густав II Адольф (1594—1632), по прозвищу «Лев Севера». Густав Адольф находился у власти 20 лет и за этот срок сделал Швецию мировой державой. Густав Адольф был, пожалуй, одним из самых образованных государей своей эпохи. Он бегло говорил на немецком, голландском, французском, итальянском и латыни; умел объясниться по-русски и по-польски. Кроме того, он оказался выдающимся полководцем и это именно он (пользуясь тактическим опытом голландцев в их войне с испанцами) придумал, как противостоять тиллиевской терции и, в конце концов, одолеть ее. Густав Адольф был либеральным монархом, он прекрасно сознавал значение общенационального закона — конституции и понимал необходимость всеобщего народного образования, не запрещая первую и не ограничивая второго (т. е. осуществляя в XVII веке те государственные мероприятия, которые в России стали возможны только после 1905 года). Именно при Густаве Адольфе шведский парламент — сейм — стал постоянным учреждением (и никогда не разогнался — в отличие, скажем, от российской Думы). Густав Адольф не только преобразовал Упсальский университет, но личными указами учреждал и народные школы, а в последний год своей жизни успел еще создать университет и в присоединенной к Швеции Эстонии — Дерптский, в историю России вошедший под названием Юрьевского, а потом ставший Тартусским и давший миру семиотическую школу Ю. Лотмана.

Между тем, и это, может быть, самое главное, и протестанту Густаву Адольфу (а не только католическим Габсбургам) не была чужда (как уже отмечалось) идея европейского универсализма. Он мечтал создать так называемый *Corpus Evangelicorum*, союз всех европейских властителей протестантского исповедания. С одной общей постоянной сильной армией. Естественно, под шведским руководством. Эту идею объединенной Европы король Швеции противопоставил идее универсальной католической империи Фердинанда II Габсбурга. И хотя война могла быть закончена 7 сентября 1631 года битвой у Брейтенфельда, где Лев Севера одержал решительную победу, он на этих играх не остановился и продолжил поход Швеции в Европу уже всерьез, — до полного и окончательного воплощения своей идеи Европейского (Евангелического) Союза.

Густав II Адольф решил приготовить Фердинанду II Габсбургу самый настоящий апокалипсис. С сентября 1631 года по март 1632-го он на вербовал в разных странах Европы гигантскую по тем временам армию в 150 тысяч человек (тогда как армия половинной численности уже считалась огромной). После таких вербовок эта суперармия стала шведской только по названию; шведом в подлинном смысле слова в ней был лишь каждый двенадцатый; большинство составляли немцы, а кроме них в армию шведского короля входили исповедующие протестантизм шотландцы, англичане, ирландцы, французы, голландцы, поляки, чехи... В марте 1632 года объединенные европейские протестанты под командованием Густава II Адольфа двинулись на Австрию.

У российского читателя эта многоязычная армия и ее медленное и неостановимое движение на восток сразу же вызывает вполне определенную ассоциацию — да, это был как бы прообраз Великой Армии Наполеона, тоже состоявшей из «двадцати языков» и тоже служившей орудием европейского распространения и внедрения европейского универсализма, на этот раз, под эгидой Франции. Наполеоновский же период истории был «монополизован» Цветаевой и здесь надо подчеркнуть еще раз эту незаметную на первый взгляд созвучность эстетических и метафизических предпочтений и стремлений юной Цветаевой и юного Рильке: их явно привлекали судьбоносные моменты европейской истории, в которых оба они и оба, кажется, вполне бессознательно, угадывали предвестия и сломы, концы и начала истории человечества в ее максимальном напряжении, в попытках ее оптимального приближения к цели, — единству рода человеческого в форме той или иной,

каждый раз характерной именно для своей эпохи, политической и цивилизационной структуры. Причем весь этот процесс оба поэта рассматривали и, прежде всего, ощущали, конечно, через судьбы отдельных людей, как правило, возвышавшихся над своими современниками благодаря дару прозрения, силы, воли и мужества. И, отметим это еще раз, как правило, проигрывающих. Таковы были герои Рене Рильке и Муси Цветаевой.

Итак, если Тилли придумал непобедимую терцию, то Густав Адольф придумал, как эту терцию победить. В 1632 году Великая Армия шведского короля вторглась в Баварию, разгромила оборону, которую пытался создать фельдмаршал Тилли, и вышла на венскую дорогу. До столицы империи Габсбургов оставалось три дня пути маршевым порядком.

Но как Тилли споткнулся о Густава Адольфа, так Густав Адольф споткнулся о Валленштейна. И это был третий герой повествования Рильке. И, может быть, самый главный его герой.

Вполне естественно, поскольку Тридцатилетняя война как бы началась в Праге, а закончилась так уж и точно на мосту посреди Праги, одним из главных ее героев стал чешский дворянин. Вальдштейн. Он же Валленштейн.

Сергей Магид
Продолжение следует

¹ См.: *Velké dějiny země Koruny české*. Sv. VIII. 1618-1683. Paseka, Praha — Litomyšl 2008. Str. 277.

² Подробные сведения о шведской армии времен Тридцатилетней войны см.: *Englund, Peter. Nepokojná léta. Historie třicetileté války*. Nakladatelství Lidové noviny, Praha 2001. [Перевод со шведского].

За деревьями виднеется вилла «Эксцельзиор» по ул. Шведска 4, где жил Р. М. Рильке.

Киноклуб представляет «Мертвую дорогу»

На очередном киновечере в зрительном зале ДНМ 16 февраля состоялся показ документального фильма чешского режиссера Шимона Шпидлы «Мертвая дорога» — *Mrtvá trať*. Речь в нем идет о строительстве железной дороги от станции Чум (район Воркуты, Полярный Урал) до станции Игарка (Енисей) через весь север Западной Сибири, который на момент строительства (1947—1953 гг.) представлял собой абсолютно неосвоенную территорию.

Строительство было прекращено после смерти И. Сталина, когда уложили 850 км из 1500, то есть на середине. Именно на эту заброшенную почти 60 лет назад гулаговскую стройку отправилась съемочная группа молодых чехов, которым данный эпизод российской истории был интересен и важен для личного переживания.

Перед началом показа выступил автор идеи фильма и инициатор экспедиции Штепан Черноушек, а после фильма на вопросы зрителей ответил режиссер. Их личная мотивация, знания и впечатления были интересны аудитории, но, пожалуй, сам фильм рассказал еще больше не только о гулаговской стройке, но затронул современность — нам был показан взгляд европейца на события российской истории.

Впечатления от просмотра фильма русской аудиторией были неожиданными.

«Урок истории», преподнесенный нам чешскими документалистами, выявил то, что в гулаговской теме у нас полно штампов и русский человек, например, никогда бы не снял подобным образом фильм о «мертвой дороге» — все же мы в этой теме являемся «заинтересованной стороной», пострадавшими и давно деформированными.

Итак, что же увидели зрители.

В кадре: люди на пароме, долгая панорама берегов Енисея, без единого населенного пункта, непроходимый лес, среди зарослей остатки железнодорожной насыпи, проложенные и вздыбленные мерзлотой рельсы, вагоны и тепловозы, брошенные на остатках дороги, покинутые строения с нарами, печкой, тучи комаров. Голос за кадром: воспоминания о стройке бывшего надзирателя лагеря, бывшей заключенной, комментарий историка краеведческого музея. В качестве исторических кадров — плакаты с изображением «мудрого вождя народов» И. Сталина, где крупным планом сменяются то портрет вождя, по портреты счастливого и героического советского человека, выхваченного из «толпы народов». Историческая реконструкция тоже присутствует в фильме — это кадры, где мы видим белый лист бумаги, по которой рука ведет карандашную линию, соединяющую две небольшие точки — Салехард и Игарку.

Как дополнительный художественный прием — словарь жаргона заключенных, который пишется в течение всего фильма поверх «мирных кадров». Время показа — 52 минут.

Темпо-ритм и эмоциональный настрой фильма — спокойный и даже лирический. Кадры панорамы берегов без всяких событий тянутся долго и, на первый взгляд, скучно. Нам дают возможность почувствовать протяженность земли, обилие лесных зарослей. Главное событие этих кадров — отсутствие происходящего. Хотя это кадры естественной и суровой природы (дорога начинается за Северным полярным кругом, на участке Елецкий—Харп пересекает Полярный Урал, далее проходит по болотистому северу Западно-Сибирской равнины, а конечный участок Ермаково—Игарка также находится за Полярным кругом), но чисто визуальное из кадров становится понятно, что в данный пейзаж человек не вписывается. Это и есть один из основных вопросов, который подспудно мучает зрителей: что заставило правительство сначала затратить массу человеческих и материальных ресурсов, а потом бросить на полпути стройку в тайге.

Тема благодатная для историка, но почему-то за 60 лет ее никто серьезно не изложил. Попытки были: либо слишком подробно отдельные эпизоды, либо кратко — экспедиционные заметки, но чаще всего поверхностно. Последним особо отличились интернет-публикации. Первый «толстый» исторический труд по теме 501-й и 503-й строек ГУЛАГа, опирающийся не на домослы, а на документы, вышел в 2010 году — это книга «История „Мертвой дороги“» Вадима Гриценко и Вячеслава Калинина. Изучен огромный архивный материал, который ранее нигде не фигурировал, проанализированы шкафы статистики, которую ведомство НКВД вело весьма скрупулезно, использован материал по стройке с грифами «совершенно секретно». Однако отнюдь не эти новые данные толкнули автора Шимона Шпидлу на создание историко-документального фильма. Эти знания сегодня доступны.

Задача режиссера была несколько иная, где я вижу трех главных персонажей повествования для раскрытия темы «мертвой дороги»: природа, тиран и его народ.

Если о кадрах природы, леса, медленного течения широкой реки я уже упомянула, то интересно проанализировать появление людей в фильме. Во-первых, это съемки погрузки и выгрузки пассажиров, потом отдельные эпизоды по ходу плавания в стиле *Life* (жизнь), и кадры из жизни экспедиции. Помнится рецепт Сальвадор Дали (когда они совместно с Луисом Бунюэлем снимали своего «Андалузского пса») — камеру прибавлять гвоздями к полу. Вот именно так и поступает Шпидла: он заставляет нас наблюдать за будничной картиной, где нет ничего ни символического, ни героического, этот прием чешской превдо-скуки надо понять, прибегнуть, по меньшей мере, к своему опыту, более глубокому пониманию чешской культуры. Этот прием мне близок, я готова наблюдать

и смотреть другими глазами на российскую глубинку. В толпе пассажиров я разглядываю небритых мужчин, а с ними женщин, одетых по причудливым представлениям о моде.

Завораживают несколько секунд наблюдений над женщиной, которая заправляет ладонью выбившиеся из-под платка волосы девочки — нигде и никогда больше, кроме России, я не видела этого жеста. Солнечные кадры на палубе (хотя образ тайги — это зима, но фильм снимался летом, когда была возможность у членов группы поехать в отпуск): кто-то читает, кто-то курит, молодые люди проходят перед камерой... «Может быть, это потомки заключенных, а может, нет, это простые люди, они тут живут», — говорит режиссер.

Как образовались в этих краях населенные пункты? По 34 различным статьям сюда сгонялись заключенные. Начало стройки было довольно вольготным в плане режима, еще не было рецидивистов и, тем более, блатных, в основном малосрочники (5—6 лет) и политические, то есть интеллигенция. Солдаты и заключенные жили вместе. Вспоминает сержант В. М. Чумак: «Одевали нас одинаково: что им шубы, шапки, так и нам. Воровства не было совсем. Готовили мы вместе. Только нам 600 грамм хлеба, им полтора кило. Мяса — по триста грамм. Мясо не свежее, в бочках, соленое. Их еще так кормили: прошли триста метров насыпи — сразу спирт, горячие булочки. Работали лопатами и тачками. Это было первые полтора года. После побега со станции Песец спирт отменили, стали одевать хуже. Питаться мы стали отдельно». Когда стройка набрала обороты, на Север повезли все категории заключенных. Ситуация значительно изменилась. На стройках смешали воров, политических, бесконвойников. Местами начались разборки, саботаж блатных, упал общий уровень дисциплины. Это усугублялось четырехкратным превышением норматива по количеству самоохранных: до 50 % охраны составляли сами заключенные.

По свидетельствам, именно самоохранники чаще всего проявляли ту жестокость, от которой страдали заключенные. Имели случаи «братания» охраны и самоохранных с ворами, это вело к самым тяжелым последствиям для обычных заключенных. Начатые высшим начальством опыты по «кардинальному перевоспитанию» «уроку», привели к развязыванию «сучьей войны». Появились все атрибуты гугаговской стройки: вышки с вохрой, колючка, карцер, ежедневный шмон. Но в фильме нет ни фотографий, ни хроники, есть только потомки осужденных. Весь исторический материал — это их лица.

И, наконец, последним из трех намеченных персонажей является Иосиф Сталин. Плакаты конца 1940-х годов какой-то специфической гаммы — желто-красно-черные, от них веет запахом клейстера или еще чего-то из архива бедности и рабства. Уверенная рука художника рисует гигантскую, исполинскую фигуру вождя, в глазах которого ясность и блеск, люди в толпе охвачены готовностью исполнить приказ, но глаза их пусты, в них нет ни доверия, ни страха, ничего, только готовность.

На строительстве работало около 80 тысяч человек. О целях строительства железной дороги Чум—Салехард—Игарка приходится только гадать. Дорога строилась без технического проекта, финансирование велось по фактическим затратам — случай редчайший, особенно для советской плановой экономики, дорога строилась по упрощенным техническим нормам, а по факту — без всяких норм. На учет природных условий не было времени, но самое главное — не было учтено поведение поверхностных вод и условия вечной мерзлоты, в результате чего нарушены тепловые процессы поверхностного грунтового слоя со всеми вытекающими отсюда последствиями. На фоне этой геофизической проблемы природного характера качество рельс, шпал и крепежных элементов является мелочью: при строительстве использовалось то, что смогли достать. Все было разных калибров и годов выпуска. Основную часть составляли рельсы дореволюционной прокатки демидовских заводов, отличающиеся великолепной пластичностью и хладостойкостью. Их скрепляли, как правило, тем материалом, который смогли достать и изготовить на месте, иногда это были обычные деревянные бруски. Шпалы были тоже самые разнообразные — металлические и деревянные, разных форм, кое-где и вовсе рельсы

целиком клали на обычные ошкуренные бревна с вырезанными пазами. На некоторых участках песчаное полотно отсутствует и шпалы уложены прямо по земле, по тундре или тайге.

Можно предположить, что проект служил для реализации военных целей, любые аргументы, направленные в поддержку гражданского назначения проекта, несостоятельны по той простой причине, что прежде, чем прокладывать дорогу на сотни километров через незаселенные пространства, необходимо изучить их недра и разработать стратегию освоения территорий. В 1947—1953-м годах о недрах Севера было известно очень мало. Эту стройку поддерживал Сталин, и без его воли она не могла начаться. О его личных соображениях ничего не известно. Вполне вероятно, что воля товарища Сталина была единственной причиной для начала стройки.

Остается задуматься, к чему нам показан в фильме словарь блатного жаргона... Он как раз соединяет волю товарища Сталина с его мечтой осуществлять свои планы за счет бесплатной рабочей силы, за счет бесправной массы. В этом словаре нет ничего человеческого, есть механизм унижения и подавления.

Съемочная группа ощутила себя в «зоне Сталкера», в атмосфере постапокалипсиса. В фильме довольно скромно показан ее путь через тайгу, в эпизодах они варят кашу на стоянках. Постоянный звуковой фон — гул комаров.

Марина Добушева

Справа налево: врач экспедиции Ярослав Минаржик, оператор Лукаш Гикса, режиссер Шимон Шпидла, Мартин Медек, Штепан Черноушек.

Поездка по дороге смерти

Собственная работа, проделанная впустую, может быть символом как глупости, так и целеустремленности. Другое дело, когда такая работа делается чужими руками: то, на что тратятся силы, здоровье и целые жизни, в конечном счете, зарастает мхом, деревьями, травой и служит лишь напоминанием о жестокости и упрямстве человеческой души. В случае с «Мертвой дорогой» — это душа конкретного человека с известными инициалами и биографией, И. В. Сталина. Строительство железной дороги Салехард—Игарка было обречено на провал — природные условия не позволяют этой дороге стать действующей: слишком неудобно, слишком холодно, требуется слишком много рабочей силы, и последний довод оказывается решающим в пользу строительства. И вот, узников ГУЛАГа направляют в Игарку. Для многих из них это поездка стала последней.

В 2009 году по их стопам, но уже добровольно и с гораздо лучшим снаряжением отправилась группа чешских документалистов. Результатом этой экспедиции и стал фильм «Мертвая дорога». Подробнее о создании фильма нам рассказал его режиссер Шимон Шпидла.

— Шимон, скажите, пожалуйста, почему Вы выбрали такую тему: довольно узкую по своей сути и одновременно широкую и далекую по расстоянию?

— Изначально эта идея принадлежала не мне, а моему другу и коллеге Штепану Черноушеку. Это он выступил инициатором экспедиции. Ему уже давно хотелось узнать как можно больше фактов о ГУЛАГе, а я был тем, кто мог эту историю рассказать.

— Учитывая природные условия, климат, трудности, связанные с дорогой, и предполагаемые проблемы уже на месте, в самой тайге, долго ли Вы раздумывали над тем, ехать или нет?

— Для меня не стоял вопрос, ехать или нет. Я согласился практически сразу. Во-первых, тема ГУЛАГа не может не волновать и не быть актуальной по сей день. Столько было людей, переживших этот кошмар, и еще больше тех, кто в этом кошмаре погиб: спросите любого, думаю, примерно каждый второй вспомнит, что там побывали чьи-то родственники, бабушки, дедушки. Для многих современников ГУЛАГ — не пустой звук, а, возможно, семейная трагедия.

А во-вторых, масштабы данной экспедиции, река Енисей... Для меня как режиссера большая удача — поработать с таким материалом, видами и природой.

— Что было самое трудное в съемках?

— Если говорить о самих условиях, то комары. Чем мы только не спасались от них, но мало что помогало, особенно страдала та рука, которой ты снимаешь и несешь камеру. Конечно, больших усилий стоило добраться до места: поезд, пароход, потом пешком... Напрямик до места не добраться, но в какой-то степени это даже помогло при создании в фильме атмосферы.

— А в работе над самим фильмом?

— Мы все время двигались вперед, поэтому был определенный лимит съемок, то есть ограниченное количество пленки, ведь если она закончится, никто в тайге не предоставит вам новую. Приходилось быть избирательным. С одной стороны, видишь, что вот отличное место для съемок, но потом проходишь дальше и понимаешь: здесь тоже неплохо, возможно, даже лучше. Из-за этого постоянно преследовало чувство противоречия, снимать или нет, вдруг лучше уже не найдем...

— Весь фильм получился довольно созерцательным. Так задумывалось в начале или идея пришла уже при монтаже?

— Основной характер фильма я продумал заранее. Огромное количество плакатов с изображением Сталина, а также других вещей похожей тематики можно было без труда найти и, благодаря этому, я уже представлял себе, как будет выглядеть фильм. Но для меня также важно было передать атмосферу, в которой я сам оказался, которую почувствовал, поэтому так много реки, тайги, самого пути до «Дороги».

— Что для Вас было важнее? Информационное наполнение или впечатления о создании?

— Откровенно говоря, я не могу разделить эти две составляющие. Для меня из этого складывается документальное кино, информация и собственные впечатления.

— А какие еще темы Вы как режиссер-документалист хотели бы еще затронуть?

— Сложный вопрос, так сразу и не скажешь. Для меня не столько важна тема, сколько способы ее раскрытия. Не подумайте только, что тема для меня не играет роли, просто мне очень важно, как можно донести эту тему. Если брать в пример «Мертвую дорогу», вы могли заметить, что кадры моря, а также вид из окна поезда, помогают глубже проникнуть в атмосферу. В любом случае, одна из главных тем для меня, наверное, история.

— Вам ближе документальное или игровое кино?

— Отвечу вам так: как монтажер (моя основная профессия) не вижу особой разницы, над каким материалом работать, часто приходится сталкиваться с игровым кино в силу профессии, но и в том и в другом жанре есть главное — своя история. Большое удовольствие для меня — работать над материалом, максимально используя возможности, которые предоставляет техника. Я работаю с образами, со временем, для меня важен способ, который впоследствии люди воспринимают как целостный фильм.

— А если бы не существовало кинематографа, могли бы Вы представить себя в другой профессии?

— Что? Вообще бы не существовало?! Нет, только кинематограф. Не могу себя представить в другой области. Я всегда был связан с кинематографом не только как режиссер или монтажер, мне приходилось работать со звуком, например, но всегда я был частью киноиндустрии.

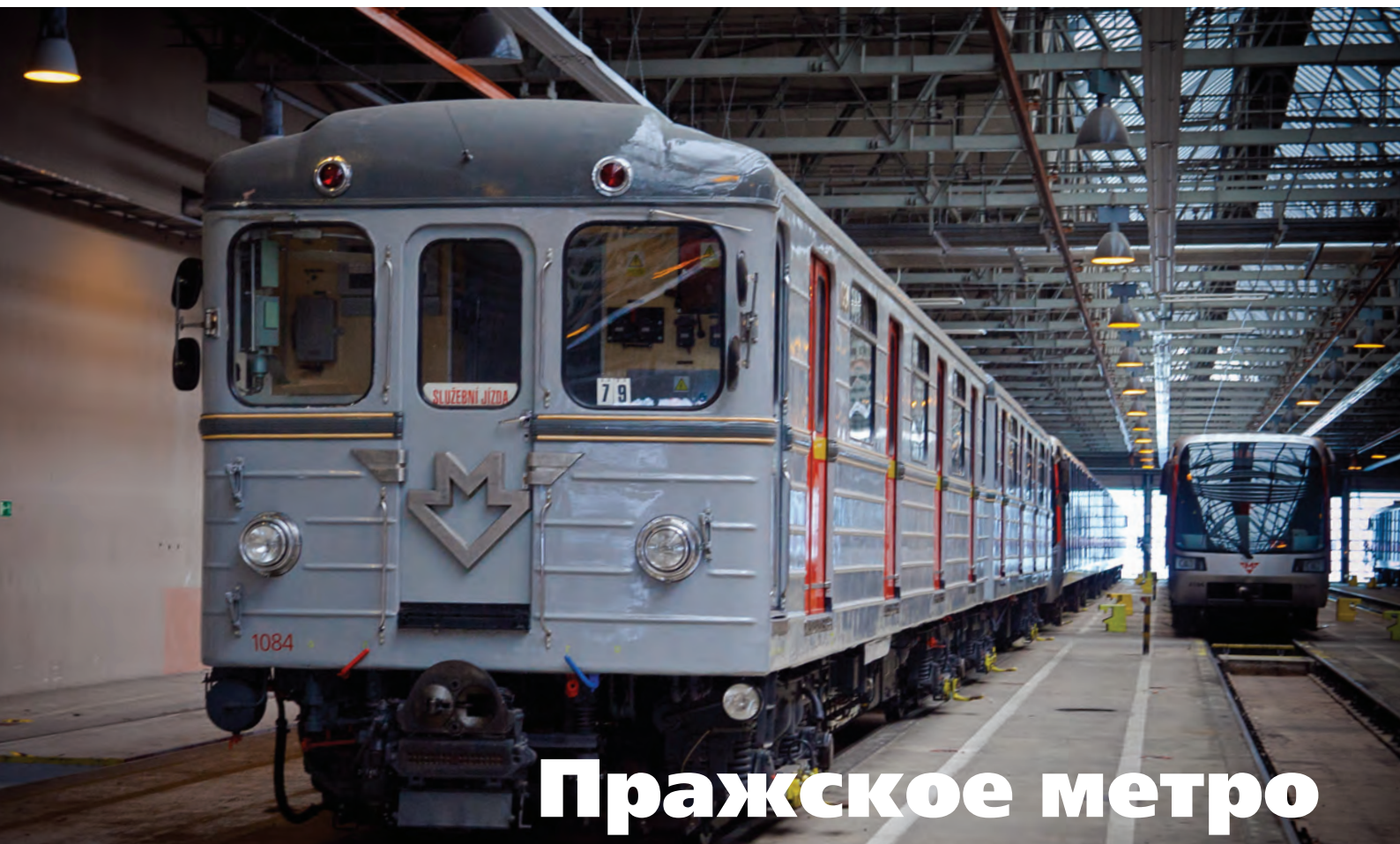
— Кто для вас Режиссер?

— Наверное, это человек, способный реализовать идеи, но не просто реализовать, ведь нельзя бездушно подходить к выполнению какой-то задачи, не прочувствовав ее, самому на какое-то время не загореться этой идеей. Без этого ощущения фильм просто не получится. Так вышло с фильмом «Мертвая дорога». Конечно, мне нужно было рассказать эту историю, вернее — показать ее, но я не мог безучастно следовать набору каких-то фактов. Режиссер, который абстрагируется от ситуации, не принимая, не пропуская ее через себя, это не режиссер, а человек, которому просто дали подержать камеру.

Лейла Габбасова

Фото: Штепан Черноушек, Марта Новакова

Пражское метро

«Стойте справа, проходите слева» — в этих словах известной песни Булата Окуджавы отражается закон, известный всем русским пассажирам пражского метро.

Метро или метрополитен — вид подземного рельсового пассажирского транспорта в условиях больших городов с насыщенным уличным движением. Коротко и верно об этом сообщает любой энциклопедический словарь.

Метро — самый надежный вид транспорта в Праге.

Метро всегда своевременно доставит вас к месту назначения: улицы города битком набиты колоннами автомашин, трамваи и автобусы часто застревают перед перекрестками, а поезда метро, в отличие от них, регулярно подходят и уходят, увозя тысячи пассажиров из одного конца города в другой.

Первые линии метро появились в 60-х годах XIX века в самых развитых и богатых странах того времени (Лондон — 1863, Нью-Йорк — 1868), и только в конце столетия метро появилось на европейском континенте. Конец XIX — начало XX века

многие считают самым счастливым периодом истории. Французы для этого времени употребляют название «Белль Эпоке» — Belle Epoque, ведь приблизительно четверть века не было войн, наступила эпоха стабильности, стремительного развития науки, техники и культуры.

Первые короткие линии метро в Будапеште (1896), Вене (1898) и, прежде всего, Париже (1900), строились для посетителей грандиозных спортивных состязаний (олимпиады) и международных ярмарок, на которые в эти города приезжали посетители из всех стран мира.

Эпоху материального развития и благополучия резко оборвала Первая мировая война, послевоенное восстановление разрушенных стран и мировой экономический кризис.

В Советском Союзе до Второй мировой войны успели построить метро только в Москве (1935). Строили его как образец богатства и прогресса Страны Советов.

Первые станции метрополитена напоминают залы дворцов, там есть помпезные мраморные колонны, расписные своды, мозаики, бронзовые барельефы, хрустальные люстры. Все это восхищало жителей и посетителей города. Прошло несколько лет, и станции метро стали убежищем москвичей во время войны.

В Праге мечтать о метро начали с конца XIX века, но тогда только планами и проектами все и ограничилось. Реализация всех этих проектов должна была осуществиться примерно одновременно с постройкой московского метро, но помешала военная угроза, когда государство должно было вложить все средства в постройку бетонной оборонительной линии вдоль границы.

После войны и военной разрухи тоже не было средств на постройку метро. К началу 1960-х годов уличное движение стало особенно интенсивным, одновременно велось массивное строительство новых панельных

районов на южной окраине города, что вызвало необходимость быстрого и радикального решения транспортной проблемы.

Помощь при постройке пражского метро оказал Советский Союз. При постройке был использован не только советский опыт, но и техника. Метро начали строить в 1966 году. Геологические условия Праги с историческим центром города, лежащим в глубокой низине вдоль реки, и высокие окраины города требовали специального подхода и ведения работ под речным дном. Чтобы соединить южные окраины города, молодой Южный Город, с центром, надо было построить высокий мост над долиной Нусле. Одновременно с постройкой метро надо было выпустить серию специальных вагонов. В Чехословакии был ряд заводов, которые с конца XIX века выпускали и экспортировали железнодорожные и трамвайные вагоны. Проекты вагонов для пражского метро были подготовлены, прототипы одобрены и прошли испытания.

После событий августа 1968 года было принято политическое решение о том, что вагоны для пражского метро будут строиться в СССР на Мытищинском заводе. Беда заключалась в том, что мытищинские вагоны были изначально приспособлены к условиям московского метро, были гораздо тяжелее чехословацких и их параметры отвечали уровню техники начала 1950-х годов.

В некоторых местах пришлось переложить рельсы для мытищинских вагонов, но, прежде всего, надо было приспособить конструкцию Нусельского моста к весу составов. Все это на четыре года задержало открытие первой линии метро («С»). В результате оно состоялось 9 мая 1974 года. После открытия этой первой линии, которая соединила с центром Южный Город, следовал запуск линии «А» (1977) и линии «В» (1985).

Усовершенствование линий метро продолжается по сей день. Названия отдельных станций и их архитектурное оформление отражают идеологический климат того времени. Многие уже забыли их названия, но до 1990 года в Праге существовали станции Космонавтов (Háje), имени Клемента Готтвальда (Vyšehrad), имени Ю. Фучика (Holešovice), Дружбы (Opátov), имени Швермы (Žiponice), имени Ленина (Dejvická). Была и станция Московская (ныне Anděl), которая не просто носила это название — ее проектировали советские архитекторы, а при строительстве использовали красный мрамор, привезенный из Крыма.

Декоративные элементы с идеологической окраской в настоящее время удалены или скрыты от глаз пассажиров. Барельеф Ленина на Дейвицкой спрятан за газетным киоском, зато остались неприкрытыми две мозаики с сюжетами на тему Октябрьской революции. На бывшей Московской осталось восемь бронзовых барельефов, на одном из которых развевается советский флаг. Мозаичное украшение там же в вестибюле было снято. На станции метро Староместска газетный киоск также прикрывает мозаику с мотивами Победного февраля.

Уже исчезли последние мытищинские вагоны, их сменили вагоны машиностроительного завода Siemens, но, к удивлению, пражане так привыкли к мытищинским, что вспоминают о них с определенной ностальгией. Они были, на наш взгляд, вместительнее и сиденья были обиты кожзамениателем, более подходящим для этого с гигиенической точки зрения.

Любители «старинны» могут раз в месяц каждую третью субботу месяца проехать в историческом составе из трех вагонов по маршруту Kačerov — Holešovice и обратно и послушать познавательный рассказ об истории пражского метрополитена. Поездка продолжается два часа. Из-за большого интереса все места до конца первого полугодия распроданы. Узнать сроки новых экскурсий и зарезервировать билет можно по адресу www.prahatechnicka.cz.

*Анастасия Копришова
Фото: Татьяна Китаева,
Dopravní podnik hl. m. Prahy*

О чем писала русская пресса 90 лет назад

По материалам газеты «Голос России» (Берлин) за март 1922 года

Красная армия.

На многолюдном собрании в Большом театре по поводу 4-й годовщины создания красной армии Троцкий заявил, что возможно возникновение осложнений для России в международной сфере весной. Поэтому пролетариат должен готовиться для отбития всякого удара. Каждая неделя отсрочки генуэзской конференции должна быть для красной армии неделей обучения и приготовления, если хотят наверстать время, которое Россия теряет под давлением дипломатии, путем укрепления армии. Троцкий закончил словами: «Мы хотим победить, мы твердо решили готовиться к борьбе, если нам ее навязывают».

Члены Пражского „земгора“ у президента Массарика.

3-го марта члены комитета пражского «Земгора» В. Гуревич, В. Архангельский, Васильев и А. Кавтун были приняты президентом республики Массариком и имели с ним беседу по поводу помощи беженцам в Чехословакии и деятельности «Земгора» в этом направлении. Вся беседа носила чисто деловой характер.

Члены комитета представили президенту докладную записку с обзором деятельности «Земгора» за истекший 1921 г. и январь и февраль 1922 г.

...Члены комитета высказали ряд пожеланий, причем особенно ходатайствовали о поддержке со стороны президента в деле развития профессионального и технического образования среди русских, находящихся в Чехословакии. Для этого необходимо увеличить с 70 до 500 число стипендий для русских в профессиональных и технических учебных заведениях.

...Члены комитета указали далее на необходимость организации в Праге солидной русской библиотеки. Эта работа уже ведется «Земгором» и сейчас речь идет о перевозке в Прагу из других стран обширных библиотек видных русских общественных и политических деятелей. Владельцы библиотек уже дали «Земгору» согласие на перевозку.

Красин о русской внешней торговле.

Красин сообщил печати, что, несмотря на ожесточенную борьбу за границу против монополии в сфере русской внешней торговли, монополия не будет отменена. Она вовсе не означает, что все операции должны совершаться при помощи органов внешторга, но в этой работе возможно и участие частных капиталов. Советское правительство заключило крупные контракты по доставке нефти не только в Англии, но и во враждебно настроенной Франции. Зависимость Франции от русской нефти делает советскую Россию до известной степени госпожой положения на французском рынке.

Русские земледельцы в Чехословакии.

Из частного обследования положения русских земледельцев в Чехословакии, произведенного «Земгором» и казачьими общественными организациями, выясняется, что русские земледельцы, подавляющее большинство которых принадлежит к казакам, за немногими исключениями работают очень старательно, «без отказа». Работа русских отличается большой продуктивностью. Чешские земледельцы дорожат русскими рабочими, и, если бы количество их увеличилось, все они были бы немедленно разобраны по местам.

Главным дефектом в положении русских земледельцев является незначительное денежное вознаграждение. Русские земледельцы за время своей работы сильно обтрепались. Одежда и в особенности обувь окончательно изнашиваются, а та помощь, которая в этом отношении оказывается русскими учреждениями, удовлетворяет нужду лишь в самой незначительной степени. Не удивительно поэтому, что главное желание русских рабочих заключается в том, чтобы их в отношении жалованья приравнивали бы к чешским рабочим, и тогда они смогли бы починять и возобновлять свою одежду. Если же содержание не будет увеличено, одежда должна быть от хозяев.

Русские земледельцы усиленно стремятся к тому, чтобы им было предоставлено право перехода от одного хозяина к другому без особых на то разрешений...

Демонстрация в Мариинском театре.

В Мариинском театре в Петербурге во время торжественного представления, на котором Айседора Дункан танцевала «Интернационал», произошла демонстрация публики, часть которой покинула зал при начале танца. Оркестр отказался повторить «Интернационал» и также вышел из зала. Власти не выступили, однако, против демонстрантов. Петербургская «Правда» с прискорбием замечает, что буржуа не могут никак постигнуть прелести «Интернационала».

Перед мобилизацией.

Прага. Здесь усиленно муссируются и крепнут слухи о предстоящей в ближайшем будущем мобилизации русских подданных на пополнение и укомплектование белой армии барона Врангеля. В студенческих кругах, состоящих в массе своей на 95 проц. из офицеров так называемых «цветных войск» армии Врангеля, получен ряд известий, указывающих на то, что, по-видимому, образование придется временно прервать и закончить его в освобожденной России. «Старший студент полковник Прокофьев» получил из Болгарии «братское» напоминание о том, что в момент открытия военных действий все офицеры должны быть на местах.

Среди казаков-земледельцев идет также агитация за возвращение в армию Врангеля для предстоящего освобождения казачьих земель. Специально прибывшие для этой цели врангелевские агенты — казачьи офицеры распускают слухи, что будто бы чехословацкое правительство дает разрешение на свободное присоединение казаков к войсковым частям...